Государь

Автор:
Олег Кожевников

Государь

Олег Анатольевич Кожевников

Боевая фантастика (АСТ)Михаил II #2

После попадания сущностей наших современников в тела великого князя Михаила Александровича и его секретаря Джонсона история, как казалось ребятам, продолжала идти так, как они ее знали. Что бы наши современники ни делали, но колесо истории продолжало катиться по гибельной для них траектории. Все это заставило ребят действовать более настойчиво и агрессивно. Если раньше молодые ученые старались очень аккуратно влезать в исторические процессы и как можно меньше воздействовать на людей этого времени, то теперь все изменилось. Они сами стали людьми этого времени и просто делали все, чтобы выжить и обеспечить счастливое будущее не только для себя, но и для других.

Олег Анатольевич Кожевников

Михаил II. Государь

© Олег Кожевников, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Глава 1

Под перестук колес бронепоезда беседа с его командиром, штабс-капитаном Овчинниковым, приобрела камерный, домашний характер. Как будто не было недавнего боя, дикого напряжения всех сил, как физического, так и морального. Павел Александрович делился с великим князем дальнейшими планами – что тыловая жизнь заканчивается и через два дня бронепоезд отправляется в действующую армию. Осталось только получить боеприпасы и пройти техническое обслуживание. Меня вопрос, когда бронепоезд отправится в действующую армию, очень интересовал. Ведь сначала он должен был прибыть в Могилев, в распоряжение ставки, а лишь затем сам главнокомандующий Николай II решит, какую армию он усилит этой грозной боевой единицей. Для меня ключевыми словами были «ставка» и «город Могилев». Именно туда я направлялся, когда на санитарный поезд № 57, перевозивший меня, спецгруппу и на отдельной платформе грузовой «Форд», попытались напасть финские егеря. Но они даже не предполагали, что в общем-то безоружный санитарный поезд может так огрызаться.

Монотонная речь штабс-капитана позволила углубиться в конспирологические версии этого нападения. А с какой еще точки зрения можно понять все случаи попыток ликвидировать великого князя Михаила Александровича. Раньше он никому не был нужен, а после того как моя сущность оказалась в его теле, каким-то могущественным силам великий князь стал очень мешать. И мы с моим товарищем, так же как и я, попавшим в чужое тело из будущего, создали целую теорию заговора. И силой, которая хотела убрать великого князя, по нашему мнению, был Генштаб Германии. Деятельность великого князя начала мешать исполнению плана развала Российской империи. Но я тоже не лыком шит, огрызаться могу. А сейчас, когда сформирована спецгруппа и я, можно сказать, вошел в местный бомонд, могу так укусить, что мало не покажется. И последние события это показали.

С точки зрения стороннего наблюдателя, все успехи великого князя на фоне побед, достигнутых, допустим, Брусиловым в 1916 году, это, конечно, ерунда. Ну что такое уничтожение всего одного батальона, по сравнению с потерями, которые понесла Австро-Венгрия в ходе наступления Юго-Западного фронта. Так, локальный успех всего лишь одного полка в ходе Брусиловского прорыва. Все это так, если не учитывать, что это был 27-й Прусский батальон егерей, сформированный в Кенигсберге из финских добровольцев, мечтающих о независимости Финляндии. Это был не простой батальон, а хорошо подготовленное подразделение для ведения боев в столице Российской

империи. Все бойцы могли объясняться на русском языке, были мотивированы драться с имперскими силами до конца. Их невозможно было выявить среди множества воинских подразделений, скопившихся в Петрограде и в окрестностях российской столицы. Просочившись через дырявую шведско-российскую границу, эти хорошо подготовленные немцами бойцы скапливались в окрестностях Петрограда и ждали приказа начинать действовать по захвату стратегических объектов. Именно этот батальон был той силой, которая в октябре 1917 года захватила все самые важные объекты российской столицы.

А в истории осталось, что тот же Зимний дворец, телеграф и многие другие объекты (включая мосты) взяли штурмом революционные солдаты, рабочие и матросы под руководством большевиков. Нет, массовка под руководством товарища Троцкого, несомненно, была, и в мелких стычках побили много городовых и прочего чиновничьего люда. Но все это была мишура, скрывающая четкие действия небольшого, но дисциплинированного подразделения, подготовленного лучшими специалистами Германии. Чтобы еще больше скрыть действия специально подготовленного подразделения, немцы направили в Петроград и группу профессиональных революционеров. Говорливых и весьма энергичных. Им и принадлежит заслуга создания мифа, что это именно революционные массы под руководством партии большевиков смели буржуазные структуры власти. Вот такую конспирологическую концепцию причин победы Октябрьской революции в России как-то по пьяни рассказал мне приятель еще в той, моей бывшей реальности. Естественно, тогда мне было это смешно, хотя мой собутыльник и закончил исторический факультет МГУ. Как доказательство своей теории заговора германского генштаба по разрушению управляемости в Российской империи он приводил примеры, как общеизвестные, так и найденные им в исторических архивах. То, что Германия в опломбированном пассажирском вагоне позволила профессиональным революционерам пересечь ее территорию, это все знают. Но вот о подготовленном в Восточной Пруссии батальоне финских добровольцев… об этом никто ничего не знал. А, по словам Жеки, этот Прусский Королевский батальон егерей № 27 состоял из ненавидящих Россию финнов, готовых сделать все для ослабления империи, которая угнетала их бедную Финляндию. Немцы их обучили, спланировали операцию, вот так и произошел октябрьский переворот 1917 года.

В моей родной реальности я о такой глубокой старине даже и не думал. Ну, была революция 1917 года, да и черт с ней. А что победили в ней большевики, так, может, это и хорошо – мобилизовали страну, и она все-таки в 1945 году надрала задницу Германии. Вот только плохо, что в двадцать первом веке сама

оказалась в заднице. Но теперь если у нас с Кацем хоть что-нибудь получится, то черная полоса в истории России, может быть, и не случится. Взбодрив себя таким посылом, я в очередной раз начал вспоминать свое время и Каца, который в угоду своим научным амбициям отправил меня и себя самого в это время. Это уже сейчас я вжился в тело великого князя Михаила Александровича, а вначале была просто беда. Ляпы и несуразицы следовали один за другим. Явно я не вписывался своим поведением и языком в образ великого князя. Не спалился только по одной причине – великий князь за день до захвата моей сущностью его тела прибыл в Петроград с фронта. И не просто с фронта, где по всей логике своего происхождения он должен был бы сидеть глубоко в тылу, заседая в каком-нибудь штабе, а можно сказать с передовой. Конечно, не из окопов, а из штаба 2-го кавалерийского корпуса, которым командовал в ходе знаменитого Брусиловского прорыва. А до этого он с 1914 года командовал одной из самых трудных дивизий Российской армии – «Дикой». И, по мнению моих теперешних знакомых, командуя туземцами, огрубел, потерял княжеский лоск и нахватался разных непонятных слов и выражений. Даже матом стал ругаться, как портовый грузчик. Для верхнего эшелона российского общества Михаил Александрович выглядел настоящим фронтовиком. Вон даже французским парфюмом перестал пользоваться – только тройной одеколон. После бритья от великого князя пахло так же, как от обычного прапорщика. И все это не мое мнение, а слова самого близкого человека – жены великого князя Натальи.

Мои размышления о собственном поведении были прерваны остановкой бронепоезда на очередном семафоре. Гонять бесконечные чаи и вести, в общем-то, бесполезную беседу с командиром бронепоезда не имело смысла. О чем нужно, я уже со штабс-капитаном договорился – что именно на бронепоезде доберусь до Могилева. Что, после того как бронепоезд пройдет техническое обслуживание, к нему опять прицепят спальный вагон, в котором сейчас находилась спецгруппа, и, кроме того, платформу с установленным на ней грузовиком. Словом, теперь бронепоезд представлялся мне чем-то подобным поезду, который вез меня и спецгруппу совсем недавно. Но тогда это был беззащитный санитарный поезд, а теперь великого князя и его команду будет сопровождать в Могилев бронированный монстр. На этом этапе все потуги германцев остановить великого князя будут смешны и бесполезны. Теперь нужно быть осторожней ближайшие два дня в Петрограде и до того момента, пока не доберусь из ставки до своего корпуса. А чтобы быть осмотрительней в столице, нужно, прежде всего, выспаться, а не поглощать под защитой брони чашку за чашкой безумное количество чая. Здесь, конечно, хорошо и спокойно, но нужно перебираться в спальный вагон в подготовленное денщиком купе. В пассажирском вагоне, конечно, нет броневой защиты, но зато там есть мягкая

лежанка и заботливый денщик. А у него в запасе имеется много всяких вкусностей. Я сам видел, как Первухин на станции покупал у бабки пирожки. Прокрутив все эти мысли в голове, я заявил командиру бронепоезда:

– У вас тут хорошо, Павел Александрович, но нужно перебираться в свой вагон. Посмотреть, как там мои люди устроились, да и отдохнуть не мешает и мне и вам. Если произойдет задержка с отправлением бронепоезда в Могилев, то, как и договорились, телефонируйте моему секретарю в Смольный. Дежурный у телефона там будет находиться круглосуточно. Если звонка не последует, то послезавтра в 20–00 оба вагона, которые нужно прицепить к бронепоезду, будут стоять в тупике, где и началась наша миссия по подавлению мятежа. Мои ребята заранее загонят автомобиль на платформу и подготовят пассажирский вагон, так что задержки с отправлением бронепоезда в Могилев не будет.

Получив подтверждения, что все наши договоренности остались в силе, я поспешил, пока бронепоезд стоял в ожидании сигнала семафора, перебраться в пассажирский вагон. Вот в нем я почувствовал себя хозяином. Не нужно было напрягаться, изображая из себя великого князя, и анализировать каждое свое высказывание на соответствие этому времени. Для моих подчиненных я априори являлся великим князем и все мои поступки и речи воспринимались естественными для брата императора. Вот когда я попал в ауру доброжелательства и восхищения действиями великого князя, то сразу расслабился. А начавшему что-то кудахтать денщику заявил:

– Ничего пить и есть не буду, я уже у штабс-капитана, наверное, целый самовар чая с печеньем употребил. Только спать! Предупреди всех, чтобы не шумели – великий князь отдыхает!

После этого в сопровождении Первухина проследовал в свое купе. Денщик остался в коридоре, охранять сон великого князя. Не знаю, почему, но когда я, раздевшись, улегся на мягкую кушетку, сознание не желало отключаться. И это несмотря на явное переутомление и то, что в последние двое суток мне только урывками удалось поспать, в общей сложности не более пяти часов. В голове продолжали возникать эпизоды по ликвидации на станции Лазаревская мятежа части батальона латышских стрелков. Почему-то расстрел финских егерей и большей части батальона латышских стрелков химическими снарядами мое сознание не анализировало. Считало, что выбора не было, и операция пошла по единственно возможному для успеха пути. Нужно было любым методом глушить обученных немцами егерей. Хоть травить их химией, хоть идти на них силами

юнкеров в штыковую атаку. А вот применение химии для уничтожения группы латышских стрелков, засевших в кирхе, может быть, было и напрасным. Наверняка они бы сдались после обстрела кирхи обычными трехдюймовыми снарядами. После применения химии ни одного пленного не было, а провести судебный процесс по мятежникам было бы неплохо. В семнадцатом году это бы остудило революционные настроения многих солдат. Сейчас суд над солдатами, нарушившими присягу, возможен, а к концу года уже нет.

Грызть себя за допущенные промахи я перестал, только когда вспомнил о подслушанном разговоре между юнкерами. Это произошло после построения принявших участие в операции юнкеров, когда я каждому пожал руку и вручил золотой империал. Понятно было, что ребята старались наилучшим образом выполнить приказ не из-за денег, а ради страны. Но по их сияющим физиономиям было видно, что нежданно свалившимся деньгам они очень рады. После построения я пошел в здание станции, в кабинет ее начальника, которого убили мятежники. Там начиналось заседание созданной по моей инициативе судебной «тройки». Дело было новое и необычное для этого времени, и я решил присутствовать на этом первом заседании. И даже не для того, чтобы указывать, как правильно проводить заседание тройки, а наоборот, самому посмотреть, как все это дело организует привлеченный юрист Владимир Венедиктович. Он родился и живет в этом времени – значит, ему и карты в руки. К тому же он специалист по юриспруденции, знает законы этого времени и хорошо разбирается в делопроизводстве. А если я возьмусь за это мутное дело, то так все напутаю, что мама не горюй. Загублю своими руками нужную сейчас быструю методику судебного разбирательства. Среди либералов поднимется вой о кровавом царском режиме, который без суда и следствия расстреливает как мирных граждан, так и солдат, не выполняющих преступных приказов. А вот если протокол оформить правильно, с горой юридических формулировок, то даже либералы запутаются в лабиринте специальных терминов. И все получится в рамках правовых норм. А значит, с точки зрения тех же американцев, с таким режимом можно иметь дело. И больших преград для получения необходимой помощи не будет. В данный момент я хотел, пусть и жесткими мерами, навести хоть какой-нибудь порядок, но в то же время нужно, чтобы для внешних игроков царский режим выглядел правовым. Сложная задача – в полевых условиях наводить порядок и выглядеть белым и пушистым. Но очень этого хотелось, вот я и пошел на заседание чрезвычайной тройки.

Отказавшись садиться на председательское место, я уселся на стул, стоявший у открытого окна, и стал с интересом наблюдать за ходом заседания этого своеобразного суда. Неожиданно мое внимание привлек гогот за окном.

Оконный проем располагался довольно высоко, и под ним остановилась компания юнкеров, весело болтающих друг с другом. Я не стал прогонять этих ребят, а только прислушался к их разговору. Непринужденное общение людей этого времени меня очень интересовало. Только так можно было нахвататься характерных выражений и услышать анекдоты этого времени. Я все еще боялся оказаться чужим в корпусе, которым командовал великий князь, и ловил малейшую возможность узнать, как общаются между собой современные офицеры. А тут находящаяся далеко от начальства компания будущих прапорщиков – грех было не подслушать, о чем и, самое главное, как они говорят. Вот я и превратился в одно большое ухо и все внимание сосредоточил на разговоре юнкеров.

Сначала обращал внимание только на манеру разговора и на сочные обороты речи этих будущих офицеров. А потом меня зацепил смысл их разговора. Это произошло, когда один из юнкеров произнес:

– Ну что, мушкетеры, нужно достойно отметить получение золотых. Предлагаю посетить заведение мадам Бляденс! Я слышал, там новые девочки появились. За империал они такой бильярд шарами клиента устроят, что на фронте никакая атака германцев не будет страшна. Ха-ха-ха!..

Сквозь это ржание развеселившегося юнкера донеслось:

– Не, Васька, я свой золотой не буду на это дерьмо тратить. Дырочку в монете сделаю и рядом с крестиком носить буду. Если выживу, то своим внукам буду этот золотой червонец показывать и говорить, что это сам помазанник Божий подарил его. А великий князь точно отмечен Богом, и быть ему царем вместо никчемного Николашки.

После этого, не скрою, приятного для меня пассажа, который, правда, не соответствовал моим целям, раздался еще один голос:

– А я тоже, пожалуй, не буду тратить этот империал. Пусть будет моим талисманом и приносит удачу. Вон князь принес же нашей роте удачу, так и пожалованный им золотой спасет жизнь на фронте.

Юнкер, который до этого смеялся, уже более серьезным голосом произнес:

– Великий князь, конечно, удачлив и стратег хороший, но на фронте он будет далеко. Так что, как говорится – на Бога надейся, а сам не плошай.

На эту фразу юнкер с хриплым голосом заявил:

– Ты, Васек, конечно, можешь потратить свой золотой на баб, но я лучше сделаю, как Борис, и буду держать этот империал у сердца. Очень на меня произвело впечатление, как после появления великого князя пошло дело по подавлению мятежа. Если бы не государь, то половину нашей роты выкосили бы у этой кирхи. А появился великий князь, и не успел я выкурить папироску, как дело было сделано. Два пушечных выстрела с бронепоезда – и в кирхе одни трупы. Мы с ребятами, надев противогазы, пулемет из кирхи вытаскивали, так там ужас что творится. Даже крысы дохлые валяются, не говоря уже о людях. Из пушки химическим снарядом в маленькое окошко попали – явно высшие силы помогли великому князю наказать мятежников. Не… я теперь дар государя тоже буду носить как амулет.

Последующие слова были заглушены свистком паровоза – на станцию прибывал состав со стороны Петрограда. А затем и слушать стало некого – юнкера ушли. Пришлось мне опять сосредоточить все внимание на ходе своеобразного судебного разбирательства. А процесс двигался, можно сказать, семимильными шагами. Уже практически треть дел было рассмотрено. И что для меня было удивительно, главным поборником жестких наказаний был Владимир Венедиктович. Я-то боялся, что юрист начнет заниматься крючкотворством и затягиванием рассмотрения дел, а все получалось не так. Больше всех затягивал рассмотрение дел не он, а поручик Симонов. Некоторые свидетельские показания ему были не ясны, и он периодически вызывал свидетелей – пострадавших от мятежа латышских стрелков.

А вот Владимиру Венедиктовичу все было ясно по докладной нового командира латышских стрелков Яниса Берзиньша и объяснительных самих мятежников. Видно, сильно обиделся юрист, когда его арестовали мятежники. Он обещал тогда засудить негодяев, избивших его, вот теперь и засуживал. Действия Владимира Венедиктовича мне понравились. Про себя я подумал: «Надо брать юриста в нашу команду. Мужик грамотный – вон как ловко подбирает законы, чтобы обосновать самые жесткие действия. Чисто Вышинский. Полезный человек в это непростое время. Если все-таки произойдут волнения и придется для их подавления использовать силовые методы, то Владимир Венедиктович обоснует их применение законами и создаст юридическую завесу перед западным

общественным мнением». Поняв, что, в общем-то, все идет так, как и я хотел, и находиться здесь мне не обязательно, я откланялся и направился заниматься другими насущными делами.

Воспоминание о подслушанном разговоре юнкеров несколько успокоило мою психику. А то в голове продолжали мерещиться мучающиеся от отравления газами латышские стрелки. Егеря нет, а вот латыши да. Все-таки мой рассудок считал, что финские егеря явные враги и обязаны ответить за свои преступления, а вот большинство латышей не были врагами империи, их просто обманули. Подслушанная беседа юнкеров помогла той части психики, которая считала, что если не предпринять решительных действий, то будут многомиллионные жертвы в ходе коллапса, который случился в России. Если молодые ребята, можно сказать цвет нации, не высказали даже одного слова в осуждения решений великого князя, то прочь все сомнения в собственных поступках. Какие времена – такие и решения. Значит, я не более кровожаден, чем другие. Наоборот, юнкера посчитали, что за действиями великого князя стоит сам Господь. А в 1916 году это много значит. Эти юнкера скоро станут офицерами и отправятся на фронт, и там они своего мнения о великом князе Михаиле Александровиче от своих сослуживцев скрывать не будут. В армии появится прослойка офицеров среднего звена, которые будут хорошо относиться к брату императора. Так что своими действиями я подкрепил задумку Каца о необходимости пропаганды, так сказать, снизу – из среды самих рабочих и солдат. Только этот хитрец хотел готовить и рассылать таких людей по военным частям и крупным городам империи, а у меня это получилось естественным путем. При этом Кац сетовал, что для отбора и подготовки агентов влияния у нас очень мало времени, а я в течение суток завербовал больше семидесяти будущих прапорщиков. Пусть они не специалисты в пропаганде, но зато искренне уверены, что великий князь это благо для их родины. И будут доказывать это с оружием в руках. Пропаганда сверху (так мы называли печать) получилась тоже спонтанно – хвалебные статьи в газетах, за которые Кац планировал платить деньги, появились без всякого его участия. Стоило мне повести себя как мужику – отбиться от террористов своими руками, как статьи с хвалебными материалами о Михаиле Александровиче появились во всех газетах империи. Да и с деньгами вышло совершенно неожиданно. Трудно представить, сколько мы с моим другом мучились, разрабатывая хитроумные комбинации, чтобы получить средства на реализацию планов по недопущению революций в России. Как я ни уговаривал послов Антанты и Американских Штатов выделить деньги, а в конечном счете сама судьба преподнесла почти миллион рублей. Как тут не поверишь в провидение? Эти мысли, в конце концов, убаюкали меня, и с чувством выполненного долга я наконец-то смог уснуть.

Глава 2

Спал я не долго, часа два. Разбудил меня, как и положено генерал-лейтенанту в полевых условиях, денщик вежливым покашливанием. А я и чувствовал себя в полевых условиях и, хотя бронепоезд уже въехал в пригороды Петрограда, оделся именно в полевую форму, хотя имелась и богатая парадная генеральская форма. Для столицы она, может быть, и была бы в самый раз, чтобы подчеркнуть значимость великого князя, но я по натуре не петух и не хотел уж очень сильно превозносить свою победу. А нас должны были встречать именно как победителей, которые уничтожили немецкую рейдерскую группу, к которой примкнули латышские предатели. Именно так был по телефону информирован начальник Петроградского гарнизона генерал Хабалов. Кроме него, по моей просьбе, поручик Симонов связался и с охранным отделением, которое и должно было раскручивать дело латышских стрелков. А также узнать, каким образом проникли в столичный регион обученные немцами финские егеря. Первоначально я сам хотел раскрутить захваченных в «Липках» финнов, но поездка в корпус была важнее. Ну что, в общем-то, я мог выпытать у финнов? Проникшие на территорию столичного региона подразделения Прусского Королевского батальона егерей № 27, состоящего из добровольцев финнов, были уже уничтожены. Оставалось узнать у захваченных финнов только координаты коридоров на шведско-русской границе, по которым и попадали враги на нашу территорию. Но это пускай охранное отделение занимается, у меня есть дела поважней. Ясно же, что через дырявую границу немцы (если они поставили такую цель) смогут протащить в столицу Российской империи нужные им деструктивные силы. Дыр в границе полно и смертельных врагов у империи тоже много. Если государственная машина не в состоянии перекрыть границу, то я и подавно не смогу это сделать. Остается одно – в Петрограде глушить вылезших из щелей прусских тараканов. А для этого нужны надежные части. Где их взять? Единственное место, где это реально – в корпусе, которым командовал великий князь. Так что, несмотря на уничтожение подготовленных немцами егерей, нужно было продолжать выполнять первоначальный план. И чем быстрее окажусь в корпусе, тем лучше. Так что пускай жандармы занимаются финнами и латышами, а я лучше подберу бойцов, которые не допустят сползание России в клоаку революций и гражданской войны.

Так я себя накачивал, пока готовился предстать перед столичной публикой. А это был довольно длительный процесс. Одно бритье чего стоило. Но появиться помятым или небритым великий князь не имел права. Вот и пришлось заниматься своим внешним видом, забыв о потребности организма в калориях. Правда, когда бронепоезд остановился в том же тупике, откуда мы менее суток назад выехали, на вроде бы, как казалось тогда, рядовую операцию, я не удержался и все-таки выпил стакан уже остывшего чая с заботливо приготовленным бутербродом с черной икрой. Поэтому и выбрался из вагона самым последним. Но для этого времени и нынешней ситуации это оказалось правильным. Я поступил, как истинный великий князь – появился, когда вся суета уже закончилась. Спецгруппа и латышские стрелки уже стояли в строю. Командир бронепоезда со своими офицерами, сгруппировавшись вокруг генерала Хабалова, ожидали появления великого князя.

Великий князь появился в скромном, но чистом полевом мундире, бодрый и стремительный. Вроде бы только что был на площадке пассажирского вагона, а в следующее мгновение уже рядом с группой офицеров. Это я понял по выражению лица прапорщика, стоящего рядом с генералом Хабаловым. Очень у этого парня было подвижное лицо, и эмоции своего хозяина оно хорошо передавало. Помню его восторженное выражение, когда раздавал солдатам и офицерам денежную благодарность великого князя. И тогда это вызвало у меня внутреннюю улыбку, и сейчас тоже. Этот внутренний смех чуть не вырвался наружу, когда я обернулся, следуя за взглядами офицеров. Отставая от меня метров на десять, важно вышагивая, шествовал ефрейтор Первухин. Он облачился в свой лучший наряд – конечно, по мнению моего денщика. Все вроде бы было по форме, и я давал разрешение бойцам спецгруппы использовать полученные на складах Петроградского гарнизона летные кожаные куртки и гвардейские галифе. А помня свое время и форму спецподразделений, разрешил надевать под кожаную куртку тонкую тельняшку. Так вот ефрейтор именно так и оделся. Но смотрелся он в этом наряде очень комично. Особенно смешно и нелепо выглядели на моем денщике – гигантские галифе, деревянная кобура с маузером и – гордость Димы – собранные в гармошку кожаные сапоги со скрипом. Может быть, у себя в деревне в таком наряде он и был бы первым парнем, но здесь на фоне бронепоезда выглядел чистым Петрушкой.

Вид Первухина объяснял, почему для приготовившихся встречать великого князя офицеров мое перемещение казалось стремительным. Мой денщик отвлекал внимание на себя, а я в это время не очень быстрым шагом дошел до офицеров, стоящих рядом с генералом Хабаловым. Это умозаключение я сделал не просто так, а потому что в голове шла постоянная работа – непрерывно думал, как

противостоять угрозе нападения на великого князя. А такой персонаж, как Первухин, наверняка будет привлекать внимание и даст мне возможность действовать. По-видимому, такой неосознанный вывод я сделал давно и именно поэтому не мешал своему денщику одеваться, как он хочет. Вон даже к маузеру в целом одобрительно отнесся. Не возражал, что Первухин, пользуясь моим именем, раздобыл себе такое оружие.

Все эти мысли пронеслись молниеносно, а в следующий момент я уже здоровался с генералом Хабаловым. Претензий за предоставленный для проведения операции разложившийся батальон латышских стрелков я предъявлять генералу не стал. Наоборот, начал хвалить команду бронепоезда и юнкеров за четкое выполнение приказов и профессионализм их командиров. Одним словом, заретушировал огрехи штаба Петроградского гарнизона, который проморгал предателей, окопавшихся в батальоне латышских стрелков. Но генерал, наверное, чувствовал вину за то, что направил для участия в операции батальон латышских стрелков. Поэтому он не возражал, что латышей, оставшихся верными присяге, нужно передать в подчинение КНП (Комитету по национальной политике). Заодно я договорился, что казак Сергей переходит в мое распоряжение. Этот ловкий и удачливый парень был уже зачислен в спецгруппу, а сейчас получил формальное согласие начальника Петроградского гарнизона.

Обговорив с начальником Петроградского гарнизона еще несколько вопросов, я переключился на представителя охранного отделения жандармерии полковника Клюева. Вот этого господина я по-настоящему и взял в оборот. Во-первых, высказал жандарму претензии по работе их агентуры, которая перестала грамотно работать. Совсем не видят опасных для власти людей, которыми буквально напичкан Петроград. Зациклились на всяких там эсдеках и прочей шушере, а вот по-настоящему опасных, сотрудничающих с Германией группировок не замечают. Вон, например, одна из группировок социалистов – большевики, в центре Петрограда напала на фронтовика, генерал-лейтенанта, великого князя наконец, и что? Какие меры предприняты против пришедшего из Германии учения? Социалисты, как заседают в Думе, так и продолжают кушать народный хлеб. Сквозь русско-шведскую границу в воюющую страну массово проникают боевики и агенты Германии.

Моя обличительная речь и тыканье носом жандармерии в явные недоработки плавно перешла к конкретным вещам, которые ведомству полковника следует предпринять. Я сообщил полковнику, что кроме арестованных латышских

стрелков имеются еще и задержанные финские коллаборационисты. Они и рассказали о проникших на территорию России подразделениях финских егерей, обученных германскими инструкторами. Задачей этих финских добровольцев было нападение на стратегически важные объекты российской столицы. Моя информация очень заинтересовала полковника жандармерии. И я с легким сердцем обещал ему сегодня же передать службе жандармерии задержанных финнов. При этом заметил, что эти финны наверняка знают коридоры в границе, по которым они и проникли на территорию Российской империи. Когда мы обговорили с полковником порядок передачи задержанных финнов, я почувствовал немалое облегчение. Полковник производил впечатление добросовестного служаки. И вполне мог раскрутить финнов и перекрыть коридоры на границе.

Когда я давал обещание полковнику передать его службе задержанных, то подумал, что никак не успеваю до отъезда на фронт раскрутить финнов. А если бы даже и узнал у них места проходов через российско-шведскую границу, то за то небольшое время, которое мне осталось до отбытия бронепоезда в Могилев, все равно ничего бы не успел сделать. По-любому пришлось бы передавать финнов в жандармерию, и неизвестно, кто бы этими господами занялся. Наверняка отнеслись бы к задержанным формально и не дай бог отпустили бы их под напором адвокатов и социалистов. По существу, фактов их подрывной деятельности нет. Командиры егерей, как и у меня на допросе, станут говорить, что они просто приехали в гости. А сам лесоторговец будет утверждать, что он ничего не знает. И определил на постой уничтоженных егерей, думая, что это солдаты русской армии. Да еще будет требовать, чтобы ему вернули имение и деньги, которые он держал в своем сейфе. Да… пожалуй, лесоторговца отдавать жандармерии не нужно. Пускай посидит еще в подвале Смольного до моего возвращения в Петроград. А там будет видно, что с ним делать.

Наконец все дела были сделаны, вопросы согласованы, и полковник пригласил меня в свою пролетку, чтобы довезти до Смольного. Латышских стрелков я отправил в Смольный пешим маршем, ну а спецгруппа, захватив с собой Первухина, поехала туда с шиком – на автомобиле. «Форд» стоял рядом с тупиком, у будки часового, охранявшего стоянку бронепоезда. Ну и на время операции автомобиль спецгруппы великого князя тоже охранялся этим часовым. А его водитель Максим, ставший подпрапорщиком, принял участие в операции как обычный боец спецгруппы. Подпрапорщиком Максим стал не просто так, это его папочка предпринял все, чтобы его сын пошел в армию не рядовым, а хоть с какими-нибудь нашивками. Его влияния хватило на одну галунную нашивку на погон. Ну, это ладно, главное, что меня устраивало – водитель по званию стал

вторым после Хватова, и теперь, если не дай бог с прапорщиком что-нибудь случится, Максим автоматически становился командиром спецгруппы. А Максим как боец, конечно, хуже Хватова, но зато был инициативным и расчетливым парнем, не уступающим в этом прапорщику. К тому же без всякого воздействия со стороны папочки или меня стал весьма авторитетным в спецгруппе.

Стало уже традицией, что я прерывал сон Каца. Вот и в этот раз великий князь с шумом в двенадцатом часу ночи ворвался в кабинет-спальню, где на кожаном диване прикорнул его секретарь Джонсон. И опять спросонья мой друг плохо соображал, пришлось ему пересказывать мои похождения два раза, и даже после этого он смотрел осоловелыми глазами на полковника жандармерии, вошедшего в кабинет. Полковник вошел оформлять документы на передачу ему протоколов допросов и самих задержанных финнов. Самих арестованных уже загрузили в жандармскую повозку, сопровождающую пролетку полковника. Теперь оставалось только оформить бумаги, и можно было забыть о финнах.

Много времени бумажная волокита не заняла, и через десять минут, проводив полковника, я смог уже детально рассказать своему другу обо всех событиях, которые случились в последние сутки. Кац воспринял мой рассказ болезненно, не в том смысле, что ему стало жалко латышей, а в том, что он спокойно сидит тут в Петрограде, а его друг рискует собой и хоть что-то делает для изменения исторического развития России. Мне нрав Каца был хорошо известен, когда он начинал ныть и говорить о своей никчемности – значит, жди какого-нибудь прорыва. Чтобы узнать, какое свершение сделал мой друг, нужно было выслушать его самобичевание, изредка не соглашаясь с тем, что он полное чмо, и тогда Саня сам все расскажет. По крайней мере, так было в той реальности, когда мы работали в НИИ Мозга. Вот и сейчас Кац посокрушался минут десять, а потом начал сравнивать себя с моллюском в раковине и вдруг произнес:

– Ну, получилось синтезировать немного пенициллина, а толку-то? Таким количеством можно сделать одну инъекцию и всё. Этим даже ангину не вылечишь. Как обычно, занимаюсь бестолковой суетой, вместо того чтобы делать по-настоящему большое дело. Понятно же, чтобы получить значимый эффект от применения антибиотиков, их нужно большое количество. А несколько граммов, которые я смогу синтезировать, это комариный укус в тело слона. Время, время и деньги, вот что нужно, чтобы помочь фронту. Кое-какие деньги появились, но времени-то совсем нет. Скоро 1917 год, а чтобы развернуть промышленный синтез пенициллина, нужно как минимум год. А тут

еще требуется наладить производство «Катюш» и напалма. Одним словом, чмо я паршивое, не тяну в попаданцы-прогрессоры. Одна надежда на тебя, что все-таки получится взять под контроль корпус и не допустить революций. Знаешь, Михась, совсем не хочется ехать в ссылку в Пермь.

Информация о том, что получилось синтезировать пенициллин, меня огорошила и вдохновила. Это же первая наша реальная победа. Под впечатлением такой новости я воскликнул:

– Да ты что, парень… это ты эпохальные вещи делаешь, а я так, работаю по ситуации. Ничего страшного, что промышленное производство антибиотиков можно будет наладить только через год. Продержимся, Кац! Зато потом можно будет спасти миллионы людей. Да и бабки на этом деле заработаем.

– Как продержимся-то, если все наши начинания буксуют? От Госдумы, считай, поддержки ноль. И это несмотря на то, что Родзянко обещал помогать Комитету по национальной политике. Как только великий князь уехал, все думские деятели забыли о своих обещаниях. Только Гучков хоть как-то помогает финансово.

– А ты что хотел? Сам должен понимать, что сейчас никто из них даже помыслить не может, что самодержавие в России падет. Элита живет своей обычной жизнью и не хочет лишних забот и принятия на себя дополнительных обязательств. Обещать брату императора это одно, а реальные действия другое. Сам знаешь нашу национальную черту – пока гром не грянет, мужик не перекрестится. Это мы с тобой знаем, что гром грянет и вмажет так, что даже в двадцать первом веке икается. Так что, Саня, нам остается только сжать зубы и делать то, что наметили, а не ныть, что все идет не так, как мы мечтали. Конечно, если хотим выжить, а не попасть под каток революционного молоха.

– Да… Михась, ты точно стал другим, как попал в тело Михаила Александровича! Крепче духом и увереннее в себе! Вот мне все еще непонятно – если великий князь имел подобные черты в своем характере, как он мог допустить сползание России в такую клоаку. Какого черта не принял корону? Ведь Николай II отрекался именно в пользу Михаила. Что же тот забралом щелкал, непонятно?

– Что-что? Европа его развратила! Он-то думал, все произойдет, как там – власть и обязанности возьмут нормальные люди, и он наконец-то сможет стать

обычным человеком – гражданином Романовым. Наверное, ему даже в страшном сне не снилось, что его, не имевшего ни малейших притязаний на трон, шлепнут в Перми. Я-то знаю, чем кончилось его благородство и чистоплюйство, поэтому и буду бороться до конца. Хрен меня смогут взять живым чекисты, я их сам вверх ногами повешу. Вот в чем разница между тем Михаилом Александровичем и мной.

После этих слов я почувствовал, что истерика у Каца прошла, и он стал уже с большей уверенностью в своих силах планировать, что нужно сделать, чтобы все-таки начать производство пенициллина в промышленных масштабах. А у меня, наоборот, уверенность в том, что у нас все получится, пропала. Можно сказать, меня скрутила паническая атака, хоть я бодрым голосом и поддакивал Кацу. Весь ворох проблем, которые предстоит решить, разом упал на мою психику. Психика, естественно, начала трещать. Бороться с таким состоянием души было нужно, и я не нашел ничего лучшего, как предложить:

– Ну что, Санек, такое дело, как синтез первого пенициллина в этом мире, нужно обмыть. Так как в современной реальности хрен найдешь институтской амброзии – технического спирта, придется использовать французский коньяк. Давай, парень, коли ты хозяин, мечи закусон на стол, горючее как обычно за мной.

Кац хмыкнул, но ничего не сказал, а молча встал и вышел из кабинета. Конечно, это же не XXI век и холодильника, как тогда в его лаборатории, не было. Зато кухня, по-видимому, в новоявленном комитете уже была, и Кац направился туда за закуской. У меня тоже не было фляжки с техническим спиртом, как в XXI веке, но зато имелся денщик с вещевым мешком. А в этом мешке на всякий случай (если великий князь решит гульнуть) Первухин носил две перемотанные портянками бутылки французского коньяка. И самому денщику я еще не давал команды идти отдыхать, он ожидал меня перед кабинетом Каца. В общем-то, я был намерен ночевать в своем особняке, а у Первухина там была своя каморка. Так что коньяк был вполне доступен, и пока Кац направился обеспечивать поляну закуской, я выглянул в коридор и дал команду Диме достать одну единицу неприкосновенного запаса.

Может быть, чтобы заглушить все сомнения и неуверенность, этого количества спиртного было и мало, но паническая атака панической атакой, а чувство долга оставалось чувством долга. Напиваться в хлам я не имел права – скоро должны были подойти латышские стрелки поручика Берзиньша, и их нужно было

размещать. А в хлам пьяные великий князь и его секретарь плохой пример для дисциплинированных латышей. Это я и высказал Кацу, когда мы пропустили по первой рюмке. После второй он опять начал меня тестировать на предмет изменения личности. А после третьей ехидно заявил:

– Да-а… Михась! Смелость, мужество, справедливость – первые признаки алкогольного опьянения.

И после этого мерзко заржал.

И как ни странно, вся моя неуверенность, подавленность и прочие признаки угнетенного состояния прошли. Хотелось рвать и метать, чтобы не допустить сползания моей родины в выгребную яму истории. Прилив энергии требовал выхода, и я вынудил моего друга устроить мне экскурсию по особняку Смольного института. Для стороннего наблюдателя это было бы жуткое зрелище. Да что там сторонний наблюдатель, даже у меня, когда мы вышли в темный коридор, по спине поползли мурашки ужаса. Хотя Смольный институт и имел кое-где лампы накаливания, но в данный момент электричество отсутствовало, и мы направились на эту экскурсию с керосиновой лампой. Я шел и с замиранием сердца представлял, что тут ходили такие монстры, как Ленин или Троцкий. Весь маразм своей затеи я ощутил, когда часы, расположенные во многих кабинетах Смольного, начали практически одновременно бить двенадцать часов. Когда наступила тишина, я воскликнул:

– Ладно, Кац, достаточно! На другой этаж уже не пойдем. Теперь я примерно представляю, сколько в этом здании можно разместить бойцов.

Мой друг, как мне показалось, зловеще ухмыльнулся и каким-то загробным голосом ответил:

– Как не пойдем? Ты разве не хочешь посмотреть подвал? Навестить финна, у которого отжал бабло? Прикинуть, скольких врагов можно туда поместить?

– Да иди ты к черту – сам будешь размещать узников в своем КНП. Ты на хозяйстве остаешься, вот и будешь заниматься расчисткой политического поля России от явных маразматиков и предателей. А моя задача – мочить их на внешних контурах и обеспечить тебя силовой поддержкой. И заметь, я уже работаю по этому вопросу. И это еще одна причина, почему мы не пойдем в твой

подвал. Вот-вот должны подойти латышские стрелки. Я ради этого в Смольный и приехал. Нужно познакомить тебя с их командиром поручиком Берзиньшем. Хоть под его командованием латышских стрелков не очень много, но зато они ребята проверенные и не поддадутся на большевистскую пропаганду.

Я рассказал Кацу, как проверял латышей, и посоветовал обратить внимание на их командира, сказав:

– Знаешь, Саня, а он, пожалуй, подойдет на роль, которую в нашей реальности исполнял Дзержинский. Казалось бы, флегматик, но, когда нужно, действует быстро и безошибочно. Твердый характер, не трус и беспощаден даже к своим соплеменникам. Имеет чувство долга, холодную голову и, надеюсь, чистое сердце, без гнилой буржуазной сущности. Пожалуй, пора нам учреждать Великокняжескую ЧК. Без этого не пробить нам ни одного нормального дела. Заболтают, замотают и в конечном счете сбросят в выгребную яму все наши спасающие эту разложившуюся власть начинания. Я чем больше окунаюсь в действительность этой реальности, тем больше понимаю большевиков. Действительно все прогнило, и, по-видимому, если хотим выжить, придется во многом пользоваться их опытом.

– Михась, ты что, совсем обалдел? Какая к черту ЧК, у царя есть охранка. Ее нужно реформировать, а не заниматься созданием новой структуры!

– Хм… реформировать! Времени нет, Кац, не успеем мы найти и продвинуть туда нужных людей. Пусть там и есть умные и опытные люди, но сама система уже так закостенела, что еле справляется с привычными вызовами, а предстоят новые. Мы о них знаем, вот и нужно быть готовыми их погасить. Не на ура брать прошедших большую школу нелегальной работы революционеров, а создать, так сказать, засадный полк. Заговорщики вроде бы провели охранку, а тут бац, им на хвост сваливается какая-то ЧК. Конечно, в подпольных организациях народ осторожный и опытный, и они быстро научатся обманывать новую структуру. Но главного-то мы добьемся – на какое-то время собьем темп революционной работы. Сам же сформулировал главную задачу – нам бы 1916 год простоять да 1917-й продержаться. А там, как мы знаем, Германия и Австро-Венгрия проиграют войну, и можно надеяться на репарации. Вот чтобы продержаться, нам и нужно создать что-то типа тайной службы безопасности. Наряду с другими мерами, которые мы пытаемся применить, эта тоже будет способствовать удержанию ситуации под контролем.

– Говоришь, что времени нет, что многие затеянные нами мероприятия буксуют и нужно внедрять дублирующие, а сам хочешь уехать из Петрограда. Все это скопище проблем бросить на меня. Михась, я же не справлюсь!

– Нужно, Кац, нужно! Знаешь же, что без силовой поддержки нам труба! А где ее взять? Только в корпусе, которым командовал великий князь. Значит, необходимо ехать в действующую армию и там, кровь из носа, внушить уважение и любовь, по крайней мере, офицерства к нынешнему Михаилу Александровичу. Слава богу, вроде бы, по крайней мере, в «Дикой» дивизии к нему относились очень хорошо. Воспоминания, отложившиеся в долговременной памяти, говорят об этом однозначно. Джигиты любили своего командира и беспрекословно выполнили бы любой его приказ. Остается использовать этот ресурс, может быть даже его приумножить. И даже без моего участия это происходит постоянно – в газетах продолжают печатать хвалебные статьи о Михаиле Александровиче. Вон в Лазаревском я купил несколько столичных газет, так в каждой была статья в передовице, как великий князь отважно отбился от многочисленных бандитов, напавших на безоружный санитарный поезд. Журналисты уже откопали этот эпизод, и сейчас каждое издание с большой фантазией разрабатывает эту золотую жилу. Оперативно черти работают, даже фотография места боя с убитыми егерями опубликована. А интервью с санитарками, ставшими свидетельницами этого подлого нападения, вряд ли оставят равнодушными мужиков, сидящих сейчас в окопах. Так что хороший фон образуется для моего появления на фронте. Еще пару раз принять участие в каких-нибудь операциях, и считай, дело сделано – я полностью вписался в образ Михаила Александровича.

– Ну, впишешься ты в образ боевого генерала, и что? В Питере-то многие дела без великого князя забуксуют. Сейчас еле двигаются, хоть денежной смазки я не жалею, а без толкача из рода Романовых все вообще встанет. Тем более деньги расходуются с ужасающей быстротой.

– Вот тебе и еще одна причина быстрее оказаться на фронте. Перед тем как окажусь в своем корпусе, нужно будет заехать в ставку, в Могилев, и встретиться с императором. Как комкор, я обязан доложиться главнокомандующему, что прибыл после лечения и приступаю к своим обязанностям. Думаю, при такой газетной шумихе мне удастся выжать кое-какие средства на производство нового оружия. Ну и предупредить брата, что на Распутина готовится покушение. В общем, буду действовать так, как мы с тобой уже обговаривали.

Наш разговор был прерван появлением Первухина. Он доложил, что прибыл поручик Берзиньш и сейчас он дожидается великого князя перед кабинетом господина Джонсона. Естественно, на этом наша экскурсия по помещениям Смольного института закончилась, и мы направились обратно. Да и пьянка закончилась тоже. После представления командира латышских стрелков Джонсону и повторения задач, которые ставятся перед подразделением поручика, я попрощался и направился в сопровождении Первухина к «Роллс-ройсу». Водитель, как уже повелось, ночевал в Смольном и, как сказал мне Кац, уже ожидал меня на своем рабочем месте, то есть в автомобиле.

Глава 3

Опять я приехал домой неожиданно. И как уже случалось, заспанная Наталья оказывалась в руках человека, недавно вышедшего из боя, а значит, весьма сексуально настроенного. И опять я не дал жене удовлетворить свое любопытство и узнать, как же прошли мероприятия, на которые ее муж уехал прошлой ночью. Помогло мне в этом то, что я выспался, когда возвращался из Лазаревского, а также беспомощно-сексуальный вид практически раздетой Натальи. Какое тут к черту любопытство – через полчаса она уже и говорить не могла, только мычала. А через час уже я вышел в австрал и стал бесполезен для любых вопросов.

Утром тоже было не до разговоров, пришлось вставать раньше Натальи и, по просьбе Каца, заниматься ролью толкача, одновременно являющегося и братом императора. Функции, ставшие уже мне привычными, я уже исполнял автоматически. На кого нужно орал, а перед некоторыми исполнял роль боевого генерала, который прибыл с фронта, а тут в тылу саботируют мероприятия, направленные на победу России в войне. Все это время, пока занимался игрой на публику, я думал над вчерашними словами Каца – что в целом мы занимаемся работой, направленной на то, чтобы Николай II отрекся от престола. Имеем дело с теми людьми, которые способствовали февральской революции в России.

Как только закончилась последняя из запланированных встреч, сразу же, даже не заезжая домой поужинать, направился в Смольный. Я знал, что Кац после посещения Госдумы непременно должен туда приехать. У него была запланирована в Смольном встреча с руководством Бунда. В общем-то, мой друг

просил появиться перед представителями этой еврейской организации, чтобы ее люди убедились, что переговоры ведутся не просто так, а с ведома высших слоев Российской империи. Идея создания еврейского государства в Палестине поддерживается самим великим князем, братом императора. Но я поехал в Смольный, даже не заехав на ужин, не ради встречи с представителями Бунда, а из-за желания переговорить с Кацем о правильности наших действий. Может быть, действительно мы объединяемся не с теми, и еще не поздно изменить вектор наших действий.

Кац был на месте, а вот представители Бунда уже уехали. От этого известия, которое сообщил мне охранник, стоявший на входе в Смольный, у меня повысилось настроение. Обязанность играть, изображая из себя светоча русской монархии, отпала. А еще меня обрадовало, что охрану Смольного уже взяли на себя латышские стрелки. Поручик Берзиньш молодец – только вчера ночью латышские стрелки прибыли на новое место службы, а сегодня уже Смольный институт взят под их охрану. Оперативно все организовал поручик.

У кабинета председателя КНП (Комитета по национальной политике) я притормозил. Следовало продумать, каким образом разговорить Каца, чтобы тот откровенно объяснил, почему это мы своими действиями способствуем отречению Николая II. Думал, наверное, целую минуту и решил, что сначала парня надо озадачить тем, что он не четко исполняет свою роль. Пусть оправдывается, а в пылу своего негодования будет и меня клеймить нечетким исполнением наших задумок. Вот тогда и выйти на вопрос, в каких действиях мы работаем на пользу противников императора. Кац, если его обидеть, всегда откровенен и не щадит своего собеседника, говорит все как есть.

Закончив разрабатывать стратегию разговора, я решительно, как и подобает великому князю, распахнул дверь председателя КНП. Кац сидел за письменным столом и что-то увлеченно писал, даже не посмотрев, кто же вошел в кабинет. Из прошлой реальности я знал, что мой друг углубляется в себя, лишь когда поставленная задача так его интересует, что он забывает, что существует и внешний мир. Знал я, как его сознание вернуть в реальный мир – нужно вести себя бесцеремонно и громко спросить его о какой-нибудь проблеме, на которую он будет вынужден обратить свое внимание. А у него наверняка должна остаться в памяти недавняя встреча с представителями Бунда. Вот совмещая в своем вопросе и стратегию, которая была разработана еще в коридоре, и мысль, которая мелькнула в голове только что, я и гаркнул:

– Ты что, мать твою, отпустил бундовцев? Сам просил, чтобы я с ними встретился, а евреев уже нет! Я время на посещение Министерства путей сообщения урезал, чтобы быстрей оказаться в Смольном, а тут такая подлянка.

Как я и ожидал, Кац, забыв про свою писанину, начал оправдываться, заявив:

– А я что, им хозяин? У людей дела, а я только нарисовался и неизвестно чем могу быть полезным?

– Как чем? Ты же секретарь великого князя, а значит, представляешь высший эшелон империи. Да любая стремящаяся обрести статус общественная организация должна вцепиться в тебя когтями и попытаться выжать из власти все, что возможно. А тем более евреи, они без гешефта не уходят.

– Все-то ты знаешь, Михась! А если они встретились с не менее хитрым планом их использовать? То спрашивается, что будут делать умные люди? Правильно, они возьмут тайм-аут. Вот и бундовцы, выслушав мои предложения, взяли этот самый тайм-аут. Как сказал их представитель Абрамович, идея, исходящая от великого князя, настолько грандиозна, что она требует серьезного обсуждения и изучения в их секретариате. Мы договорились встретиться через неделю, и тогда Бунд выскажет свою позицию. Но поверь, Михась, все будет, как нужно, и уже теперь великий князь Михаил Александрович стал для Бунда большим другом евреев.

– Думаешь? Ладно, будем доверять твоей сионской проницательности. Но я уже не успею в этом вопросе тебя поддержать, так что придется самому обламывать своих соплеменников. Как я тебе уже говорил, завтра все-таки надеюсь выехать в Могилев. Думаю, на бронепоезд никто не посмеет напасть. Да, скорее всего, и некому. Активных штыков у немецкой агентуры в Петрограде не осталось. Это поможет тебе более активно работать и не опасаться уже нападения на Смольный. Твой вектор работы ясен. А вот я, после вчерашних твоих слов, все еще нахожусь в прострации. Как так, мы своими действиями способствуем противникам Николая II? Объясни-ка свою позицию.

– Так что тут объяснять, и так все ясно. Главные наши контактеры и помощники – это те люди, которые и развалили империю. Тот же Гучков не любит Николая II и, по историческим данным, многое сделал, чтобы его сместить. Князь Львов, принципиальный противник существующей вороватой и прогнившей

монархической системы. Для Родзянко идеалом военного руководителя служит великий князь Николай Николаевич, и он против того, что главнокомандующим является Николай II. Несмотря на то, что именно Николай Николаевич допустил поражения 1915 года. Как будто надел на глаза шоры и не видит, что после того, как главнокомандующим стал Николай II, положение на фронте стало улучшаться. И даже была проведена успешная наступательная операция. Да, Брусиловский прорыв потряс всю австрийскую армию до основания. Еще одна подобного масштаба операция – и война закончится. И естественно, нашей победой.

– Ишь ты, грамотный стал, в стратегии начал разбираться! Я с тобой согласен, но только не пойму твой посыл, что наши действия способствуют отречению Николая II. Я как раз считаю, что мы хоть как-то укрепляем существующую власть.

– Власть-то, может быть, и укрепляем, по крайней мере, хотим этого. Но вот конкретно Николая II мы не поддерживаем. Якшаемся с его противниками, и ты своим авторитетом великого князя укрепляешь именно их влияние, а не положение своего брата. Я-то делаю это сознательно, так как считаю, что именно ты должен перехватить скипетр из ослабевших рук Николая II. А у тебя это происходит неосознанно, и ты сближаешься именно с противниками действующего императора. Я это вижу, и твоя жена это понимает и даже знакомит с людьми, которые считают, что Николай II должен отречься. Переводит стрелки на тебя, как на деятельного и законного наследника престола. В этом я ее поддерживаю.

– Ты что, Кац, не понимаешь, что не хочу я быть императором! А то, что общаюсь с противниками Николая II, то это по необходимости. Иду по пути наименьшего сопротивления. Поддержку в обществе, чтобы продвигать наши начинания, нужно обеспечить? Нужно! А как это сделать? Требуются энергичные люди, хорошо знакомые с современными реалиями. А они, как правило, негативно относятся к Николаю II. Что думаешь, я не понимаю, что тот же Гучков поддерживает любые мои начинания в надежде, что именно Михаил Александрович станет императором Михаилом II. Да и князь Львов настроен на это. Для Родзянко, конечно, великий князь Николай Николаевич предпочтительнее, но Михаил, в общем-то, тоже подойдет. По крайней мере, будет лучше Николая II, и народ хоть как-то успокоится. Уже не будут кричать из каждой подворотни, что жена у императора немецкая шпионка. А наследник Алексей проклят Богом за преступления его папаши против народа. Вина за

пролитую кровь невинных жертв 1905 года перешла на наследника Алексея. Вот что думают те, кто хочет, чтобы я стал императором. Все я это понимаю, но как материалист не поддерживаю.

– Если ты такой материалист, то тогда чего вещаешь, что мы попали в эти тела по промыслу Божьему, чтобы исправить тот маразм, который произошел в России в 1917 году.

– Одно другому не мешает. Да, произошедший перенос сущностей из двадцать первого века в нынешнее время для меня непонятен, и я называю это чудом, но все остальное, что с нами происходит, весьма логично. И, в общем-то, логично, что я пытаюсь использовать возможности тех людей, которые сами ищут случая сблизиться с Михаилом Александровичем. Те, кто доволен правлением Николая II, ко мне и не лезет. И я не лезу к ним. Бесполезно сотрудничать с теми, кто довел народ России до сегодняшнего состояния. Вот противники Николая хоть как-то суетятся – пытаются преобразовать власть, чтобы она стала более динамичной, а сторонники существующей власти вообще в импотентов превратились. Даже в столице империи не нашлось боеспособной части, чтобы ликвидировать немецкую рейдовую роту. Подсунули латышей, девяносто процентов которых оказались предателями. Дошло до того, что в пригороде российской столицы объединившихся с немецкими диверсантами латышских стрелков пришлось глушить химическим боезапасом. Так что к черту таких соратников – будешь их привечать, сам под монастырь попадешь. Вон генерал Хабалов вроде бы хороший служака и человек, но в важных вопросах я ему теперь доверять не буду. Понял мою мысль, Кац, – нужно любого заинтересованного в будущем России человека, несмотря на его политические взгляды и риторику, привлекать в наши ряды. Особенно энергичных и амбициозных людей. А Гучков, князь Львов и тот же Родзянко, несомненно, являются таковыми.

– А я что, против? Я только за! И присоединяюсь к мысли думцев о том, что скомпрометированному Николаю II нужно отречься в пользу своего брата Михаила Александровича. В лихую годину Николай II не тянет такую ношу. Может быть, и ты ее не потянешь – не знаю. Но в любом случае для страны будет лучше. При самом хреновом правлении, в первый год после коронации, народ не будет особо возмущаться, даст возможность новому правителю проявить себя. А значит, революций в 1917 году не будет, а потом война кончится. Станет легче, можно будет начинать распускать солдат по домам. А самых буйных направить на сбор репараций с проигравшей стороны. Да и в проливах нужно будет

наводить порядок. А после победы проливы, включая и Стамбул, однозначно отойдут к России. Освобождение Царьграда даст такую фору царю, что можно будет не беспокоиться о своей легитимности и популярности. Вот тогда и сможешь наслаждаться жизнью аристократа. Я лично тогда готов тебя опахалом обмахивать.

– Ха-ха-ха, да только ради такой картинки стоит стать царем! А если серьезно, Кац, не тяну я на царя. Воспитание не то, да и образ мыслей не соответствует самодержцу. Хватит уламывать, искуситель! А то жена об этом мечтает, друг уговаривает, черт знает что получается! Хотя бы ты будь мудрым человеком. Я в ставку выезжаю, где буду встречаться с Николаем II, а ты тут настраиваешь меня на его отречение. Не согласен я занять его место. Наоборот, буду всячески уговаривать брата выбросить такие пораженческие мысли из головы. Пусть Николай II, как я знаю из истории, и слабый царь, но все равно знает и умеет гораздо больше, чем я. И правильно, что Николай II не питает никаких иллюзий насчет государственных способностей младшего брата. Николай Николаевич рассказывал мне, что когда в 1900 году в Крыму Ники заболел тяжелой формой брюшного тифа, а его здоровье внушало большие опасения, то царедворцы предложили пригласить Михаила «для замещения Его Величества на время болезни». На что царь ответил: «Нет-нет. Миша только напутает в делах. Он такой легковерный». И, в общем-то, я согласен, что доверить мне управление такой махиной, как Россия, слишком безответственно.

– Да больше слушай такого интригана, как великий князь Николай Николаевич. Сам же говорил, что его прозвали «Лукавый». Вот мне знающие люди говорили нечто иное. Что даже всесильный министр финансов Витте, кстати, преподававший Михаилу Александровичу курс экономики, чрезвычайно высоко отзывался о его способностях. Примерно такое же мнение имел о великом князе и германский кайзер Вильгельм II. После того как в 1902 году Михаил гостил у него в Берлине, император написал Марии Федоровне восторженное письмо, в котором восхищался ее сыном.

– Да ты, Кац, как я посмотрю – лизоблюд. Выискиваешь только хорошие высказывания о своем боссе.

– Хочешь негатива? Всегда пожалуйста, вот что я прочел в аналитическом отчете Бунда о семье Романовых. Твоя мать Мария Федоровна разделяла точку зрения Николая II, считая Михаила легковерным и легкомысленным. Такое впечатление у нее усилилось после поездки Михаила в Англию на похороны

королевы Виктории в 1901 году, которые он умудрился прозевать, увлекшись прогулкой по Лондону. И заметь, основываясь именно на этих сведениях, бундовцы будут решать, в какой мере им стоит доверять предложениям, исходящим от великого князя Михаила Александровича. Я, конечно, постарался смягчить эти сведения – заявив, что таким ты был до 1905 года. А сейчас великий князь совершенно другой – ответственный и серьезный человек. Что подтверждается службой в армии и успешным командованием таким непростым соединением, как «Дикая» дивизия. И как мне кажется, я их убедил в твоей серьезности и ответственности.

– Интересно, а что они там о великом князе Николай Николаевиче написали – как его оценивают?

– О нем информации больше, чем о тебе. Мне запомнилось мнение о нем Витте. Он негативно оценивает великого князя Николая Николаевича, называя его «тронутым» человеком, с «зайчиком в голове». А генерал Мосолов написал своему бывшему сослуживцу в письме, которое сумел скопировать член Бунда, о «крайне узком кругозоре и весьма не возвышенной душе» великого князя. И о военных талантах Николая Николаевича, проявленных в бытность, когда он был главнокомандующим, в этом отчете сказано негативно. Например, священник Георгий Шавельский рассказал одному из членов Бунда о поведении великого князя в тяжелые дни весны-лета 1915 года: «Ко мне в купе быстро вошел великий князь Петр Николаевич. “Брат вас зовет”, – тревожно сказал он… Я тотчас пошел за ним. Мы вошли в спальню великого князя Николая Николаевича. Великий князь полулежал на кровати, спустивши ноги на пол, а голову уткнувши в подушки, и весь вздрагивал. Услышавши мои слова: “Ваше высочество, что с вами?” – он поднял голову. По лицу его текли слезы. “Батюшка, ужас! – воскликнул он. – Ковно отдано без бою… Комендант бросил крепость и куда-то уехал… крепостные войска бежали… армия отступает… При таком положении что можно дальше сделать?! Ужас, ужас!..” И слезы еще сильнее полились у него».

– Хм… просто Моссад какой-то, а не Бунд, являющийся всего лишь общественной организацией. Уже аналитические отчеты строчат. Небось, о революционерах знают больше охранного отделения жандармерии. Ты там, Кац, разнюхай все по этому вопросу. Думаю, с тобой они поделятся этой информацией. Не зря же слили негатив на твоего непосредственного начальника. Значит, почувствовали родственную душу и хотят дружить с секретарем великого князя. Ну, это ладно. Нужно выбрать линию поведения, которой я буду придерживаться при встрече с

императором. Надеюсь все-таки укрепить брата морально, чтобы он не пошел на роковой для себя, семьи и страны шаг – не отрекался от престола. Конечно, если почувствую, что Николай II совсем никакой и готов в трудный момент спрыгнуть с мостика корабля, то тогда делать будет нечего, придется вешать на себя вериги самодержца.

Я хохотнул и добавил:

– Посмотрю, как у тебя получится махать опахалом!

После этого снова начал смеяться. Это оказалось заразным, и Кац меня поддержал. Истерический хохот продолжался недолго и сослужил хорошую службу – вся муть о коварных замыслах продвинуть меня в самодержцы слетела, голова очистилась от ненужных мыслей, и я уже смог спокойно обсудить планируемое посещение ставки.

Казалось бы, мы этот вопрос обговаривали много раз и уже наметили линию поведения великого князя во время посещения Ставки. Но Кац каждый раз генерировал какие-нибудь новые предложения и добывал неизвестную мне информацию. Вот и сейчас, роясь в наваленных на письменный стол бумагах, как бы между делом заявил:

– Слушай, Михась, ты там будь настороже, общаясь с начальником штаба Ставки верховного главнокомандующего Алексеевым.

– А что с ним не так? В моей долговременной памяти отложилось, что это весьма приятный человек. Порядочный и высокопрофессиональный. После того как Николай II занял пост главнокомандующего, генерал Алексеев фактически руководил всеми военными операциями.

– А вот в аналитической записке, предоставленной мне Абрамовичем, сказано о принадлежности Алексеева к некоей «военной» масонской ложе. Еще я вспомнил, что когда учился в универе, как-то посетил лекцию на истфаке, которая была посвящена истории революций 1917 года в России. Лектор там сказал, что во время февральских событий 1917 года председатель Государственной думы Родзянко – один из организаторов антимонархического заговора – перед опасностью роста революционных беспорядков в столице и возникновением самочинных структур советской власти обратился к Алексееву с

просьбой склонить царя отречься от престола. Генерал Алексеев поддержал Родзянко и разослал циркулярную депешу главнокомандующим фронтами, в которой, фактически обманывая их, в начале телеграммы от себя, дабы настроить адресатов на нужный лад, добавляет фразу: «Упорство же государя способно лишь вызвать кровопролитие». То есть получается, что именно Алексеев был главным виновником решения Николая II отречься от престола. Ведь Николай II до последнего момента не хотел это делать и запросил командующих фронтами о целесообразности этого шага, и все они поддержали идею об отречении императора. А еще на этой лекции говорилось о роли командующего Северо-Западного фронта генерала Рузкого в решении Николая II отречься от престола. Он все сделал для этого. Чтобы получить этот результат, Алексеевым и Рузским была проведена целая спецоперация.

– Ну-ка, давай поподробней расскажи, что ты знаешь об отречении Николая II. Может быть, эти сведения мне помогут уговорить брата остаться на престоле.

– Тогда слушай, что рассказывал об этом лектор, а потом то, что я прочитал в материалах Бунда о генерале Рузском. «1 марта в Псков, где располагался штаб Северного фронта, прибыл Николай II, направлявшийся из бурлившего Петрограда в ставку, в Могилев. На перроне голубой поезд с золотыми орлами никто не встречал, после некоторого времени появился командующий фронтом, проследовавший в вагон царя. Именно с уст Рузского утром 2 марта Николай II услышал прямое предложение отречься от престола. В этот же день генерал сообщил царю результаты телеграфного опроса Алексеевым командующих русскими армиями и флотами: все были за отречение, лишь Колчак, командующий Черноморским флотом, воздержался. Около 12 часов ночи на 3 марта государь вручил Рузскому и прибывшим делегатам Комитета Государственной Думы два экземпляра манифеста о своем отречении в пользу брата Михаила». Заметь, что депутаты Думы, Гучков и Шульгин, как будто зная, что царь отречется, уже в 19–00 были в Пскове. Наверняка они принимали участие в этой спецоперации по отречению Николая II. И Псков был выбран не случайно, там все подчинялись Рузскому, и если бы Николай II уперся, то верных частей он там бы не нашел. А генерал Рузский был хоть и монархист, но в то же время активный масон.

– Кац, ты что-то зациклился на масонах!

– Это не я, это в материалах Бунда, или, перефразируя тебя, «бундовского Моссада», так написано. А что касается генерала Рузского, то там его личность

изображена в негативных красках. Вот, например, один из абзацев, который я запомнил. «Хитрый, себе на уме, мало доброжелательный, с очень большим самомнением, – такую нелестную характеристику оставил однокурсник Рузского генерал Август Адариди. – К старшим он относился подобострастно, к младшим – высокомерно, при этом уклонялся от исполнения большей части поручений, ссылаясь на состояние своего здоровья».

– Слушай, а в этих документах что-нибудь хорошее о людях написано? Или Бунд собрал одни помои о самых известных русских деятелях?

– Естественно, там только компромат на русский бомонд. Могу тебя успокоить, про великого князя там написано, пожалуй, меньше всего гадостей. Или бундовцы подчистили материал, перед тем как показать его секретарю великого князя, а может быть, и не нарыли неизвестной негативной информации о Михаиле Александровиче. О твоем скандальном венчании на дважды разведенной Наталии из захудалого дворянского рода Шереметьевских сказано вскользь. По-видимому, в этом времени об этом скандале всем известно, а в бумагах отражены только неизвестные для широкой публики факты.

– Слушай, Кац, а нам тоже, пожалуй, нужно завести подобных аналитиков. Да и этот отчет неплохо бы получить от бундовцев. А вообще, сказать прямо, я в шоке от того, что мы забрались в банку с ядовитыми пауками. Скоро в бездну упадем, а они продолжают грызть друг друга.

– Знаешь, что я думаю по этому поводу – лучше быть в шоке от услышанного, чем в заднице от происходящего! А насчет бундовских бумаг, они уже у меня. Разве мог я упустить такой шикарный компромат на людей, с которыми мы контактируем. Бундовцы отдали их без особых возражений – видно, обговорили у себя этот вопрос заранее. Вывод из этого факта можно сделать один – так как они уже знали об идее, исходящей от великого князя о создании государства Израиль, то согласны с этим и хотят более плотно сотрудничать с великим князем. А сегодняшнее ломание, что эта идея требует изучения и обсуждения в их секретариате, не более чем набивание себе цены. А грамотные аналитики, конечно, нужны – но где же их взять-то? Ищу, но пока толку мало. Вон даже надежного человека, который бы знал местные законы, а главное мог бы их обходить, никак не получается найти. А для деятельности КНП это очень важно, тем более в предстоящем взятии Думы под контроль.

– Кац, помнишь, я тебе рассказывал про юриста, которого мои ребята вытащили из лап взбунтовавшихся латышских стрелков. Грамотный мужик и очень помог организовать полевой суд. Человек без либеральной накипи, он подобрал нужные законы, чтобы обосновать расстрел мятежников. Мне он понравился – прохиндей в юриспруденции еще тот, к тому же без тараканов в голове. Я предложил ему поработать на благо Российской империи, и, в общем-то, он не исключает такой возможности. Только нужно чтобы жалованье компенсировало потерю его доходов от прекращения деятельности в качестве поверенного. А это семьсот рублей в месяц. Предложи тысячу и нагружай его своими поручениями. Он прибудет в Петроград с юнкерами сегодня вечером. А завтра можешь ждать его визита в Смольный. По крайней мере, я так с ним договорился.

– Ни фига себе, тысячу! Да юристы здесь получают не больше пятисот.

– Тебе же говорят, что – прохиндей, а нам именно такой и нужен. Без вбитых догм в голове, верткий и исполнительный. А денег на дело не жалей – прощелкаем революцию, и деньги в Перми нам уже не понадобятся.

Лучше бы я не упоминал про деньги и то, что юристу надо платить по тысяче рублей в месяц. Не затрагивал так терзавшую Каца тему денег. Мог бы спокойно обсуждать возможные проблемы, которые наверняка возникнут в процессе общения с императором и генералами ставки. Наверняка мой друг посоветовал бы что-нибудь дельное. А так получил головную боль, когда Кац, схватив листки со стола, начал совать их мне под нос, говоря, что это примерные калькуляции по необходимым расходам. По ним получалось, что нам по-прежнему катастрофически не хватает средств. И это несмотря на то, что я всего два дня назад привез почти миллион рублей, конфискованных у финского лесоторговца. Дело контрреволюции требовало вложения примерно таких же сумм. Ужас, одним словом. Мы опять с Кацем начали обсуждать, где же брать недостающие суммы.

Глава 4

Обсуждение финансовых проблем затянулось до позднего вечера. Сплошная говорильня и надежда, что заграница нам поможет. Что англичане и

американцы все-таки начнут выполнять свои обещания. Но у меня, впрочем, как и у Каца, обещание, особенно английского посла, вызывало недоверие. Я анализировал свои ощущения – почему сомневаюсь в словах такого серьезного человека, как сэр Джордж Бьюкенен. Где-то я был согласен с мыслью своего друга, что англосаксы заинтересованы, чтобы в России был бардак. И от них можно ожидать только подлостей, а не помощи в вопросе наведении порядка в стране. Что именно они сделали все, чтобы развязать Первую мировую войну в надежде ослабить своих конкурентов.

Все это так, но была у меня надежда выжать из англичан немного денег в качестве оплаты, чтобы великий князь не продвигал идею создания государства Израиль. После той встречи я посчитал, что вопрос выделения 150 тысяч фунтов стерлингов союзной нам Великобритании практически решен, но вот сейчас начал сомневаться. Вспомнилась несколько кривоватая улыбка посла Бьюкенена и лекция по психоанализу в нашем НИИ Мозга, а ее я как-то посетил в надежде разобраться в отношении меня одной девчонки. На той лекции как раз рассказывали об улыбках. Так вот лживая улыбка появляется быстрее искренней, длится дольше, словно лжец надел маску. Отличить такую улыбку от искренней просто. Фальшивка сильнее выражена в одной стороне лица. Та часть коры головного мозга, которая отвечает за выражение лица, располагается в правом полушарии. Она посылает сигналы преимущественно в левую сторону тела. Во время искренней улыбки полушария мозга воздействуют на обе стороны лица, и улыбка получается симметричной. Так вот основываясь на выводах специалистов моего времени – Бьюкенен все время говорил со мной неискренне. Улыбки были искусственные и несколько кривоваты. Скорее всего, они имели цель меня обмануть и внушить мысль о добром и искреннем английском дипломате, который только и мечтает помочь своим союзникам. Конечно, я не дипломат, и, вполне вероятно, такая улыбчивая маска это обычное дело в их профессии, а деньги от англичан все-таки поступят. Но вот Кац в этом совсем не уверен. Аналитическому чутью своего друга я доверяю. Поэтому после перебора многочисленных способов обеспечить финансирование наших проектов пришли опять к прежней мысли – деньги можно получить только от Николая II.

У меня возникло ощущение дежавю – психическое состояние, при котором человек ощущает, что он когда-то уже был в подобной ситуации. Происходящее до боли напоминало вечер перед моей поездкой в Могилев на санитарном поезде. Тогда все обошлось наилучшим образом, и я выиграл, но как все получится в этот раз? Предательский холодок пополз по спине, хотя рассудок понимал, что в этот раз я буду под защитой бронепоезда, и даже сумасшедший не посмеет на него напасть. Все это так, но очко все равно играло, и я понял, что

пора заканчивать это бесконечное копание в окружающих нас коварных псевдодрузьях, ждущих только момента, чтобы воткнуть нож в спину. Договоримся скоро до того, что за спиною немцев, подготовивших и направивших в Петроград финских егерей, стоят англичане.

Кац запросто может такую теорию выдвинуть и будет обосновывать это тем, что это же англичане организовали убийство Распутина. И именно они стравили немцев, французов и русских, чтобы они убивали друг друга. А сами сидят у себя на островах, попивают чаек и покуривают свои мерзкие трубки «данхилл» с тремя вставками. Хотя в этом времени сущность самого Каца вселилась в англосакса по крови (Джонсона), но он продолжал с подозрением относиться к англичанам. А причиной всему служили именно эти самые трубки с тремя точками. Кац трепетно относился ко всему, что создано природой, а эти трубки, производимые англичанами, считал порождением дьявола. Ведь чтобы изготовить одну такую трубку, нужно было срубить несколько редких баобабов, убить трех слонов и загубить жизни нескольких туземцев. Баобабы шли на наборный мундштук, из бивней слона делалась одна вставка, ну а туземцы погибали, ныряя на большую глубину, чтобы добыть моллюсков, из которых потом делался лак для покрытия этих трубок. Дикость? Да еще какая. Но английские джентльмены с удовольствием и даже с гордостью, курили эти трубки. Поэтому мой друг с большой настороженностью относился к англичанам и предполагал, что от них можно ожидать любой гадости.

Чтобы не доводить дело до маразматических теорий, в которых Кац был тоже мастак, я заявил:

– Ладно, парень, давай заканчивать. Я понял, что средства на наши авантюры можно взять только в казне, и значит, моя задача при посещении брата усложняется. Придется не только укреплять его морально, но и выжимать из Николая II средства на производство напалма и «Катюш».

После этой реплики наше переливание из пустого в порожнее прекратилось. Правда, мы еще переговорили о том, что великий князь должен успеть сделать перед отъездом. Бронепоезд отправлялся в Могилев вечером, и времени, чтобы успеть в обязательном порядке посетить Синод, вполне хватало. Высказанные Кацем мысли, чего я должен добиться при встрече с обер-прокурором Синода, Николаем Павловичем Раевым, окончательно погрузили меня в прострацию. Уже плохо соображая, я, пожав руку своему другу, отправился к себе в особняк. Там мне предстояла еще одна обязанность великого князя, но скажу прямо,

довольно-таки приятная процедура прощальной ночи с женой.

В эту ночь мне выспаться не удалось, и в этом виновата не жена, а я сам. Хотя вначале все пошло, как в моих грезах – романтический ужин с Натальей, а потом проверка мягкости великокняжеской перины. По всей логике, утомленный любовными играми, я должен был уснуть, как моя партнерша, но не тут-то было. Любопытство и желание подготовиться к завтрашней встрече с обер-прокурором Синода Раевым перебили весь сон. Еще бы, ведь это была ответственнейшая встреча с одним из высших государственных чиновников в царской России. Он на правах министра руководил Святейшим Синодом Российской Православной Церкви и Ведомством православного исповедания, которое обладало статусом государственной религии. Это мне объяснила Наталья, которая уже не удивлялась, когда я ее просил рассказать мне о вещах, которые знал любой интеллигентный человек. Она пояснила, что Святейший Правительствующий Синод (в переводе с греческого «сходка», «собрание», «собор») – высший орган церковно-административной власти Русской Православной Церкви, заменявший собой патриарха.

С такой информацией идти на встречу с обер-прокурором Синода было чревато полным провалом. Тут не отмажешься потерей памяти в результате удара молнии или тем, что огрубел на фронте, командуя «Дикой» дивизией. Тут вопрос веры и встреча с иерархом православной церкви, являющейся столпом государства. Если мы с Кацем хотим чего-то добиться, то без помощи церкви или, по крайней мере, одобрения наших действий это сделать невозможно. Я, конечно, уже встречался с одним из церковных иерархов, с епархиальным архиереем Петрограда, митрополитом Питиримом, но тогда я был с Гучковым, который и вел разговор. А я только поддакивал и грозно хмурил брови, когда разговор зашел о германцах и об успехах православного воинства в ходе Брусиловского прорыва. Тут этот номер не пройдет, нужна какая-то изюминка, чтобы отвести внимание обер-прокурора от моей персоны. А где ее искать?

Выход был, и он занозой сидел в моем мозгу все время после того, как я вышел из Смольного. А вышел я не пустой – в руке нес папку, которую передал мне Кац. А еще днем ее вручили ему бундовцы. Это были материалы на основных деятелей Российской империи, тщательно подобранные аналитической службой Бунда. Именно то, что было нужно нам – выходцам из другого времени, чтобы разобраться в местном бедламе. И не просто разобраться, а воздействовать в нужном направлении на фигурантов, негативная информация на которых присутствовала в этих документах. Это была поистине золотая папка, это

понимали как я, так и мой друг. А еще Кац осознавал, что только в руках великого князя эта папка превратится в золотой ключик, который поможет открыть многие наглухо запертые для нас двери. Поэтому он мне ее и передал.

Я намеревался изучить бумаги, находящиеся в папке, с чувством, с толком, с расстановкой, то есть не спеша и основательно. А это было возможно только на бронепоезде по пути в ставку. Сейчас в окружавшей меня суете было затруднительно тщательно изучить скандальные факты, подобранные в папке бундовцев. Не хотел я делать поспешных выводов, за которыми последуют неверные действия. Держался я несколько часов, еле-еле усмиряя любопытство хоть одним глазком глянуть на скрываемые местным бомондом жареные факты. И в этом мне очень помогло сексуальное искусство моей жены. Но вот когда она уснула, этот фактор, сдерживающий мое любопытство, исчез. И я, как какой-нибудь злоумышленник, крадучись слез с кровати и направился в кабинет. При этом убеждая свою силу воли, что глянуть в папку бундовцев сегодня совершенно необходимо. Ведь завтра ответственная встреча с обер-прокурором Святейшего Синода, и я просто обязан ознакомиться с материалами, которые накопали евреи на обер-прокурора Николая Павловича Раева. Глядишь, найду там такую фишку, на основании которой смогу достойно провести нелегкую для себя встречу.

К сожалению, в этой папке было мало материалов по религиозным деятелям. Все Распутин да Распутин. Критические материалы о церкви конечно же присутствовали, но какие-то обобщенные. Полезным для меня я посчитал только один абзац – о ситуации в церковном управлении протопресвитер Шавельский писал: «Ставленники Распутина уже фактически держат в своих руках управление. Обер-прокурор Св. Синода Раев, его товарищ Жевахов, управляющий канцелярией Св. Синода Гурьев и его помощник Мудролюбов были распутинцами. Эту же веру исповедовали митрополиты Питирим и Макарий. Целый ряд епископов епархиальных и викарных были клиентами Распутина». Это была единственная зацепка, где хоть как-то раскрывался обер-прокурор Святейшего Синода. Только продумав линию своего поведения на завтрашней встрече с Раевым, я, наконец, угомонился и направился спать. А было уже два часа ночи, и это подтвердил бой часов, стоявших в кабинете.

В девять часов утра я уже входил в кабинет обер-прокурора Святейшего Синода. Хотя и не выспался, но двумя чашками прекрасно сваренного кофе привел себя в боевое состояние. А так как состояние было боевое, то я и перевел разговор с внутреннего положения в империи на бои с австрийцами. И все это с тем

намерением, чтобы обер-прокурору стало понятно, что перед ним боевой генерал, а никакой не царедворец. Он не способен интриговать и перед ним без толку плести свою казуистическую паутину. По этой причине от брата императора можно не ждать хитроумных комбинаций, чтобы провести своих людей в Синод. Да и вообще он цепной пес, готовый порвать любого, кто покусится на страну и императора. Вот только этому цепному псу не хватает денег на новое оружие, а если ему оказать содействие в решении этого вопроса, то он будет очень благодарен Святейшему Синоду, как истинному поборнику православной веры. Ну как при такой постановке вопроса обер-прокурору не пообещать, что Святейший Синод всецело поддерживает великого князя в его благородном стремлении укрепить русское воинство.

Своими патетическими воинственными речами я ввел обер-прокурора Раева в полную прострацию. И он даже не заикнулся о том, что Михаил Александрович венчался с урожденной Натальей Шереметьевской без одобрения Синода. А в это время это было обязательным для членов семьи Романовых. Наталья, основываясь на своих источниках, меня предупреждала, что хотя Николай II вроде бы простил брата, а ей дарован титул графини Брасовой, но при встрече с обер-прокурором вопрос с несанкционированной женитьбой обязательно возникнет. Не возник. Забил я обер-прокурора своей патетикой и требованием оказать действенную помощь армии. Этот довольно умный человек не стал осаживать не просто великого князя, а можно сказать, народного героя.

А Михаил Александрович, действительно, становился народным героем – богатырем земли русской. Именно так я был охарактеризован в утренней газете, которую прочитал в «Роллс-ройсе», направляясь на встречу с обер-прокурором. И в ней уже описывалось, как великий князь уничтожил германскую рейдовую группу и подавил мятеж предателей из латышского батальона. Сплошной восторженный, патриотический визг, мне в этой передовице понравилось только одно – там был описан суд, который вынес решение по самым активным мятежникам. Постановление суда было немедленно исполнено. По этой статье получалось, что Михаил Александрович весьма решительный и жесткий человек, при этом справедлив и наказывает, только руководствуясь законом и постановлением суда. При всем этом великий князь щедр и милосерден. Родственники погибших во время мятежа казаков и служащих железной дороги получат лично от великого князя по сто рублей.

Прочитал эту статью, и мне стало ясно, откуда в прессу просочилась информация о событиях на станции Лазаревская. Наверняка источником этой

информации стал Владимир Венедиктович. Именно юристу я говорил о намерении выделить семьям погибших во время мятежа хоть какие-то средства. Я еще плавал в существующих денежно-товарных отношениях и не представлял, какая сумма будет выглядеть достойной в глазах родственников погибших. За консультацией обратился к Владимиру Венедиктовичу. Вот он мне и рекомендовал ограничиться ста рублями. Кроме Каца и юриста, больше никто не знал о том, что великий князь был намерен выплатить родственникам погибших по сто рублей. А теперь об этом стало известно всему обществу. Не то чтобы я был против этого – скорее за. Кто же будет против бесплатно распространяемого пиара? Но вот дальнейшие планы из-за этой статьи мне пришлось скорректировать. Первоначально я думал, что этими выплатами займется Кац, а мне не стоит перед отъездом отвлекаться. А вот прочитав эту статью, стало ясно, что именно я должен засветиться, выполняя это обещание.

Конечная точка поездки на фронт – штаб 2-го Кавалерийского корпуса, и очень важно, чтобы мои подчиненные знали не только об отваге своего командира, но и то, что он выполняет свои обещания. А то, что это станет известно, я даже и не сомневался. Тем более если я это сделаю открыто – например, в штабе Петроградского гарнизона. Казаки были направлены на операцию штабом Петроградского гарнизона, вот я и отдам деньги непосредственному командиру казаков, есаулу Сытину. И не тет-а-тет, а перед строем его подчиненных казаков. А вот передачей денег родственникам погибших железнодорожников займется Кац. Направит того же Владимира Венедиктовича на станцию Лазаревская с нужной суммой денег. Пусть юрист общается с родственниками погибших. Это и будет проверкой его пригодности служить нашим интересам. Если с этим поручением не будет никаких проблем, то ему можно будет доверить выполнять и более важные поручения. Вот какие мысли вызвала прочитанная статья. Поэтому когда мы подъехали к зданию резиденции Синода, я отправил водителя в Смольный с запиской, чтобы секретарь Джонсон переслал мне с Георгием дежурный портфель. Это мы с Кацем так называли небольшой портфель, в котором находилось три тысячи рублей на срочные оперативные расходы.

А еще из-за этой статьи я несколько скомкал визит к обер-прокурору. Появилась еще одна незапланированная задача, которую нужно было выполнить до отъезда из Петрограда. Я не стал с Раевым подробно обсуждать непонятные высказывания некоторых из великих князей. Конечно, не из-за того, что спешил, а больше из-за того, что был в стороне от склок в доме Романовых. Я слышал от Натальи о демарше великих князей, который она охарактеризовала как «великокняжеская фронда», но детально об этом ничего не знал. А откуда мне,

спрашивается, знать, если я жил по определенной совместно с Кацем схеме, не пытаясь расширить круг общения. Встречался только с теми людьми, которые реально могли помочь задаче, которую мы с Кацем поставили перед собой. А это ни много ни мало, изменить историю своей родины. Что не входило в эту задачу, меня мало волновало. К тому же великие князья и не пытались вовлечь Михаила Александровича в свою тусовку. Так как он слыл аполитичным и не желающим ничего менять в политическом устройстве России.

Так что для меня стали новостью слова Николая Павловича Раева, что ряд великих князей встали в оппозицию к царствующему монарху. Общим требованием великих князей стало отстранение от управления страной Григория Распутина и «царицы-немки». Хорошо, что я вечером прочитал об отношении обер-прокурора к Распутину, поэтому заявил:

– Да мальчишки они, начитавшиеся французских романов. Устроили, понимаешь, «великокняжескую фронду», по аналогии с фрондой принцев во Франции семнадцатого века и думают, что делают благо для страны. Не понимают, что только Григорий Распутин может вылечить наследника. А если прямо сказать, то предсказаниям Сибирского старца я верю. Беречь такого уникума надо, а не поливать грязью.

Своим пассажем я как елея налил в душу обер-прокурора. Обозначил принадлежность к его лагерю. Раев стал ласков и податлив, соглашаясь со всеми моими предложениями. Стало понятно, что Михаил Александрович получил мощного союзника в лице обер-прокурора Святейшего Синода. Чтобы не напортачить и оставить хорошее впечатление, я начал прощаться. Конечно, не сразу и резко, а хитро, выуживая от обер-прокурора обещания помогать моему секретарю в многотрудном деле умиротворения малых народностей империи. Одним словом, Раев обещал содействие служб Синода деятельности КНП, возглавляемой моим секретарем Джонсоном. А поддержка или, по крайней мере, невмешательство в наши дела многого стоила.

В конце концов, тепло распрощавшись с Николаем Павловичем, я с чувством хорошо проведенной работы направился к «Роллс-ройсу». За то время, которое я общался с Раевым, Георгий не только успел съездить в Смольный и привезти дежурный портфель, но и купил столь любимые мной жареные пирожки с квашеной капустой. По пути до места дислокации Петроградского гарнизона я наслаждался этим чудом народной кулинарии. Все хорошо в этих пирожках, вот только пришлось, перед тем как направиться к генералу Хабалову, тщательно

протереть замасленные руки влажной ветошью. Водитель уже не раз способствовал моим гастрономическим забавам и знал, что после этого требуется великому князю.

Генерал Хабалов находился на месте и был рад меня видеть. Его радушие пришлось компенсировать подробным рассказом о событиях на станции Лазаревская. А там плавно перейти к цели своего сегодняшнего визита. Пока вызывали есаула Сытина, мы с генералом Хабаловым, под разговоры о том, как противоборствовать разложению тыловых частей, чаевничали. Мой организм с удовольствием принимал чай после съеденных пирожков. Гастрономическому удовольствию мешала только неприятная информация, которую излагал генерал Хабалов. По его словам, управляемость в частях Петроградского гарнизона продолжала падать. И оказывается, выделенный для проведения операции батальон латышских стрелков считался в штабе гарнизона одним из самых лучших. После известия о его мятеже многие офицеры штаба все еще пребывают в унынии и растерянности. Что я мог ответить на эти слова? Если уж бравый генерал начал озвучивать факты разложения в частях своего гарнизона, то действительно крах империи близок. В душе разгоралась боль за вот таких хороших, в общем-то, людей, которые старались, но у них ни черта не получалось. Как часто бывает в России – хотели как лучше, а получилось как всегда. Умные свалили, а смелые не смогли остановить монстра. Который, воцарившись на одной шестой части суши, начал пожирать своих детей.

Мои грустные размышления прервало появление в кабинете есаула Сытина. Во время его рапорта я размышлял, как же мне поступить? Если ждать общего построения казаков, чтобы они видели, как я передаю есаулу деньги, предназначенные для родственников погибших товарищей, то это займет не меньше двух часов. Ведь придется выступать перед станичниками и никуда от этого не деться, а то получится очень некрасиво. Поймут же так – что люди положили свои жизни за царя, а брат императора, заехав на минуту, кинул за каждого погибшего по сотне с барского плеча и был таков. Я подумал: «Нет, такой пиар нам не нужен! Чтобы успеть выполнить до отъезда все, что задумал, придется передать деньги есаулу прямо сейчас. Мужик вроде правильный и не зажилит их. А что сказать казакам, он сам разберется».

Решив для себя этот вопрос, я достал из портфеля отсчитанные еще в автомобиле 2300 рублей и, прервав беседу Сытина с генералом, произнес:

– Господин есаул, я очень благодарен вашим казакам за то, что они совершили. Настоящие герои! Думаю, своим поступком они списали все прегрешения на земле и теперь попадут в рай. Но их родственники остались без кормильцев, и чтобы хоть как-то облегчить их жизнь, я решил выделить из своих средств по сто рублей каждой семье погибших. А семье вахмистра двести рублей. Ваша задача – передать эти деньги семьям погибших. Думаю, вы хороший командир и знаете, где проживают родственники погибших казаков.

Ответная речь есаула, после того как я передал ему деньги, отличалась многословием и некоторым пафосом. Но я ее выслушал до конца, не перебивая Сытина. После того как он закончил, тепло попрощался с генералом и есаулом и быстрым шагом направился к автомобилю.

Предстояло еще одно важное дело – встреча с директором Путиловского завода. Кац попросил меня заглянуть к директору и сделать ему накачку, чтобы на заводе не тянули с изготовлением первого образца «Катюши». Опыт общения с ним у меня уже был, и я знал, как заставить этого человека выполнять поставленную, хоть и не министерством обороны, задачу. Именно на Путиловском заводе по моему заказу бронировали «Форд» спецгруппы. Пускай с задержкой, но они сделали это.

Глава 5

На этот раз мой отъезд на фронт произошел рутинно и буднично. Никто не провожал меня к бронепоезду. Я запретил это делать не только жене, но и Кацу. Мне хватило прошлого раза, когда собирался добраться до Могилева на санитарном поезде. Тогда были проводы и торжественное построение персонала передвижного госпиталя, но закончилось все стрельбой и операцией на станции Лазаревская. Конечно, итог получился хороший, но график нашего с Кацем плана был сорван, и я так и не попал в ставку. А от этой поездки, как по моим ощущениям, так и по мнению Каца, зависело многое. И финансирование разработанных проектов, и самое главное, возможность перед страшными событиями 1917 года обеспечить силовую поддержку нашего плана переустройства России.

В купе я расположился тоже буднично, как в кабинете у себя в особняке. Вот только столик был маловат, чтобы разложить все бумаги, которые собирался изучить во время этой поездки. К тому же на нем стоял небольшой самовар с уже нагретой водой. Естественно, его подготовил Первухин. Денщик именно так представлял комфортную поездку на поезде генерал-лейтенанта. В его представлении такой человек, как великий князь, должен, как богатый купец, всю поездку дуть чай из фарфоровой пузатой чашки, заедая этот божественный напиток бутербродами с черной икрой. Мне было смешно наблюдать за постной физиономией Димы, когда я приказал освободить стол для работы. Не понимал парень, как можно работать в купе. И совсем денщик обалдел, когда я сказал, что кушать ничего не буду, и пускай он до утра не пристает ко мне с этим вопросом. Когда вагон тронулся, я достал папку с аналитическими материалами, полученными от Бунда. Была надежда выудить их этих материалов хоть какую-нибудь информацию, которая поможет мне, когда я встречусь с императором Российской империи. Боялся я, что облажаюсь во время этой встречи.

Не открывая этой папки, попытался систематизировать свои знания о личности Николая II. Что я помнил об этом царе? В основном в голове застряли школьные штампы: Николай Кровавый, слабый, был под сильным влиянием жены, виноват в Ходынке, учредил Думу, разогнал Думу, расстрелян под Екатеринбургом… Ах да, еще провел первую перепись населения России, записав себя «хозяин земли русской». Да еще Распутин сбоку маячит со своей сомнительной ролью в истории. В общем, образ получается такой, что любой школьник уверен: Николай II – чуть ли не самый позорный российский царь за все эпохи. И это притом, что от Николая и его семьи осталось больше всего документов, фотографий, писем и дневников. Сохранилась даже запись его голоса, довольно низкого. Его жизнь досконально изучена, и при этом – почти неизвестна широкой публике за пределами штампов из учебника.

Хмыкнув, я вспомнил, как еще в девятом классе слушал голос из глубины веков. Учитель истории поставил нам диск с записью голоса Николая II, который бубнил что-то плохо понятное. На этом же диске была записана речь Луначарского, не помню, о чем она была, но голос реально цеплял. Вся эта информация была мало полезна в предстоящей встрече с Николаем II, и мое сознание переключилось на пьяный разговор с моим другом из универа. Именно он рассказывал мне о финских егерях, что они сделали для победы октябрьской революции 1917 года. Об императоре мой друг говорил следующее – именно Николай достроил Сибирскую железную дорогу. Она до сих пор главная артерия, связывающая страну, однако почему-то ее не принято ставить в заслугу этому царю. Между тем Сибирскую железную дорогу Николай II причислял к главным своим задачам.

Николай вообще предчувствовал многие вызовы, которые России пришлось затем разгребать в XX веке. Говорил, например, о том, что население Китая астрономически растет, и это повод укреплять и развивать сибирские города. (И это в то время, когда Китай называли спящим.) А еще мой приятель утверждал, что Николай II стал первым глобальным миротворцем. В 1898 году с его подачи была опубликована нота о всеобщем ограничении вооружения и разработана программа международной мирной конференции. Она прошла в мае следующего года в Гааге. Участвовали 20 европейских государств, 4 азиатских, 2 американских. В головах тогдашней передовой интеллигенции России этот поступок царя попросту не укладывался. Как так, ведь он милитарист и империалист?! Да, идея о прообразе ООН, о конференциях по разоружению зародилась именно в голове Николая. Причем задолго до мировой войны. А еще Ромка в тот вечер, после очередной дозы, утверждал, что о реформах Николая (денежная, судебная, винная монополия, закон о рабочем дне) также упоминают нечасто. Считается, что раз реформы были начаты в предыдущие царствования – то и заслуги Николая II вроде как особой нет. Царь «всего лишь» тянул эту лямку и жаловался, что «работает как каторжный». «Всего лишь» подвел страну к тому пику 1913 года, по которому потом еще долго будут сверять экономику. Всего лишь утвердил в полномочиях двух знаменитейших реформаторов – Витте и Столыпина. Пиком его царствования можно считать 1913 год: крепчайший золотой рубль, доходы от экспорта вологодского масла выше, чем от экспорта золота, Россия – мировой лидер в торговле зерном.

Анализ воспоминаний, полученных из XXI века, активизировал и мозг Михаила Александровича. А именно пошли воспоминания из долговременной памяти. Они, правда, касались конкретно моего брата, и не как государственного деятеля. Из всех вин Ники больше всего любил крымский портвейн, но знал меру. Еще в молодости, когда Михаил Александрович служил в гвардейском Кирасирском полку, Николай ему (то есть мне) заявил: «Попробовал шесть сортов портвейна и слегка надрызгался, отчего спал прекрасно». Курил же царь и вовсе как паровоз – одну за другой. А еще я вспомнил, что Ники не выносил женского пения. Сбегал, когда супруга, Александра Федоровна, или какая-то из дочерей или фрейлин садилась за рояль и заводила романсы. Как-то мне сказал: «Ну, завыли!» А также он очень много читал, особенно современников, выписывал массу журналов. Больше всего любил Аверченко.

Еще раз просканировав память на предмет воспоминаний о Николае II, я принялся изучать внешний источник информации. А именно папку, которую Кац получил от бундовцев. Как ни странно, информации об императоре России в ней было не очень много. О некоторых генералах и высших чиновниках империи

гораздо больше. Да и имеющаяся информация была несколько странной, вроде того, что Николай был как две капли воды похож на двоюродного брата, наследника английского престола. (Будущий английский король Георг V.) Их матери – сестры. «Ники» и «Джорджи» путали даже родственники. Меня заинтересовала информация, что Николай II воспитывал приемных сына и дочь. Точнее, детей своего дяди Павла Александровича – Дмитрия и Марию. Их мать умерла родами, отец довольно скоро вступил в новый брак (неравный), и двух маленьких великих князей в итоге растил лично Николай, те звали его «папа», императрицу – «мама». Дмитрия император любил как собственного сына. А информация меня заинтересовала из-за сноски. Оказывается, великий князь Дмитрий Павлович сейчас гоношится с противниками императора. Входит в «великокняжескую фронду», ненавидит Распутина и вместе с Феликсом Юсуповым готов его устранить.

А вот эта информация прямо касалась наших с Кацем планов, так как убийство Распутина, произошедшее в доме Юсупова, явилось спусковым крючком в решении Николая II отречься. По крайней мере, я этого не хотел. А так как мною было запланировано в разговоре с императором предупредить Николая II о грозящей опасности покушения на Григория Распутина, то информация, вычитанная в бундовской папке, заставляла задуматься. Я теперь знал, что Николай II относится к великому князю Дмитрию Павловичу, как к сыну, а значит, нельзя прямо обвинить любимчика императора в заговоре против Сибирского старца. Во-первых, не поверит, что Дмитрий, которого он любит как сына, готов нанести такую душевную рану своему отцу. А во-вторых, наверняка вызовет Дмитрия, чтобы поговорить с ним по вопросу предполагаемого покушения на Распутина, а значит, этим предупредит главного организатора, что власти вышли на основных участников его адского плана, и постарается уничтожить Распутина по другому сценарию. А то, что в убийстве Распутина замешаны англичане, я слышал еще, когда учился в школе. Что отравленного, но долго не умирающего Григория Распутина добил из револьвера именно английский агент. А значит, если убийство Распутина было задумано не кучкой заговорщиков, а МИ-6, то они способны поменять сценарий и все-таки убрать человека, который, по их мнению, настраивал императора к замирению с Германией. Да… какой-то клубок ядовитых змей представляла собой элита Российской империи. Так не хотелось туда влезать, но ехать в Пермь я был категорически против.

Размышления о поступках людей, которые окружали Николая II, приоткрыли для меня причину, по которой он все-таки принял решение отречься от престола. Я все еще пытался понять, что вынудило этого обязательного, в общем-то,

человека, предать дело всей его жизни. Не хватало какого-то кирпичика в том психологическом коллапсе, в котором находился Николай II перед своим отречением. Вся мозаика вроде бы показывала причину его психологического слома – неизлечимая болезнь наследника; предательство командующих фронтов, которые проголосовали за отречение; волнения народа в столице; настойчивые призывы депутатов Думы отречься от престола; но чего-то тут не хватало. И вот когда я узнал, что великий князь Дмитрий Павлович был для Николая II как сын, пазл причин отречения императора в моей голове сложился. Еще бы не плюнуть на всё, когда наследник не жилец, а мальчик, которого ты воспитывал и любил как сына – по существу становится тебе врагом. Убивает человека, который поддерживал жизнь цесаревича и являлся жизненной опорой самого Николая II. Неожиданно вспомнилась статья в журнале, которую я прочитал еще в той беззаботной жизни работника НИИ Мозга о череде событий, в результате которой Николай II подписал свое отречение. А именно запись в его дневнике, где Николай II зафиксировал свои ощущения после подписания акта об отречении: «В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена и трусость, и обман!»

А еще мне вспомнился текст акта об отречения, который касался именно меня: «…Мы передаем наследие Наше Брату Нашему Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляем Его на вступление на Престол Государства Российского. Заповедуем Брату Нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу». Такое вот кино получается. Братец хочет меня кинуть в этот змеиный клубок. И моя задача – привести мозги царя в порядок и убедить его, что он обязан нести свой крест до конца. Если так беспокоится о наследнике, пусть дочь делает наследницей. Я же когда-то читал, что Николай II хотел, чтобы трон наследовала дочь – княгиня Ольга. Вот пусть и пробивает это дело. Пусть по закону наследником должен быть мужчина, но были же императрицы женщины. Так что может эта комбинация пройти, через тот же Синод. Когда я общался с обер-прокурором, он производил впечатление вполне вменяемого человека, а не религиозного догматика. Если злодейский план англичан все-таки не удастся предотвратить и Распутин будет убит, а Николай II не сможет справиться со своей депрессией, то обер-прокурор Святейшего Синода вполне может пойти на некоторые нарушения традиции престолонаследования.

Вот как я не хотел занять место Николая II, что стал выискивать комбинации, чтобы избежать этого. Даже готов был подставить женщину, лишь бы самому не

стать императором. Я серьезно стал разрабатывать план, как мне уговорить Николая II, чтобы он занялся вопросом продвижения своей дочери княгини Ольги. Все мои маразматические идеи были остановлены весьма здравой мыслью: «Сейчас война, а значит, женщина на троне не проходная пешка. Может быть, в мирное время коронация дочери царя и возможна, но в разгар войны это исключено. Ни один генерал не будет подчиняться бабе. Положение на фронтах сейчас неустойчивое, и бардак в командовании приведет к катастрофе. А там здравствуй, народные бунты, а женщина на троне бунтующий народ только раззадорит. Так что этот вариант был ничем не лучше, чем то, что произошло в моей реальности. Оставалось действовать по намеченному ранее плану – уговаривать Николая II ни в коем случае не слагать с себя сана императора.

Чтобы войти в доверие к Николаю II в образе новой сущности Михаила Александровича, я по своей старой памяти решил с ним попьянствовать. К сожалению, в запасах алкоголя, которые вез с собой, было всего две бутылки крымского портвейна. Да и то взять их меня вынудила Наталья. Она знала о предпочтениях императора, а так как всем было известно, что братья встретятся и наверняка это продолжится в неофициальной обстановке, то и приготовила это вино. А я, идиот, еще бурчал, что лучше вместо этой бурды захватить две бутылки коньяка или более приемлемой для фронтовых условий смирновской водки. Но потом, подумав, что если придется опохмеляться, то коньяком или водкой будет непривычно, а портвейн сойдет вместо пива, и перестал ворчать. А сейчас был рад, что послушался мою светскую львицу. Жалел только, что Наталья не принесла хотя бы на две бутылки портвейна больше. Ничего нового и оригинального не придумав, я плюнул на все и решил спать. Буду действовать, как получится, и импровизировать на ходу. Чай, школу в своем времени прошел большую и здесь как-нибудь прорвусь.

В Могилев мы приехали в пятом часу вечера. Пока то да се (разгрузка «Форда»), время подошло к шести. В кабинет императора я попал только примерно в семь часов вечера. И хорошо, что там он был не один, это дало мне возможность адаптироваться и осмотреться. Этому способствовало и то, что при моем появлении царь оставался бесстрастным – только кивнул и показал рукой кресло, куда мне было можно присесть. Это кресло стояло близко от императора, и я смог его хорошо рассмотреть. В голове, конечно, был образ Николая II, но он пришел из долговременной памяти Михаила, а в реальности царь несколько отличался от помнившегося великому князю. Во-первых, Николай

II выглядел старше, чем остался в памяти Михаила. Во-вторых, никакой он не был красавчик, как считал его брат. Я бы сказал, что он некрасив, в понимании человека XXI века – цвет бороды и усов желто-табачный, крестьянский, нос толстый, глаза каменные. Речь его была чистая, внятная. Он почти не употреблял иностранных слов, но говорил с едва заметным акцентом. В разговоре не спорил с собеседником, не высказывал своего мнения, почти всегда оставался бесстрастным. Из своих наблюдений я посчитал Николая человеком умным или, во всяком случае, неглупым. У него была и ясность суждений, и некоторая острота мышления. Но в то же время я отметил, что ему не хватало логического мышления. Приняв одно решение, он не видел, что дополнительно необходимо принять другое.

Вслушавшись в разговор Николая с человеком, одетым в гражданский костюм (а в кабинете присутствовал еще и генерал, которого не было в долговременной памяти Михаила), я понял, что разговор ведется на отвлеченную тему. Не знаю, кто уж был этот человек в гражданском костюме, скорее всего какой-то чин из Священного Синода, так как говорил он о божественном происхождении самодержавной власти. На его монолог Николай II, обращаясь к генералу, сказал:

– Вот, например, монархия! Вам она не нужна; мне она не нужна; но пока она нужна народу, мы обязаны ее поддерживать. Я считаю, что самодержавное правление – лучший способ обуздать стихию саморазрушения, и полон решимости сохранить все прерогативы монарха.

Слова императора были неожиданны и лились бальзамом на мою душу. Я считал основной целью своего приезда в ставку морально укрепить Николая II, чтобы он пересилил свою депрессию и не вздумал отрекаться. А тут такие слова. Если бы я не был из XXI века и знал, что в феврале 1917 года Николай II отречется от престола, ни в жизнь бы не поверил, что такой человек может наплевать на свои идеалы и убеждения.

Мне вспомнилось, что написали бундовцы о характере императора. «Николай II стремится не просто царствовать, но и править. Государственными делами он занимается добросовестно, не упуская даже мелочей. Царь никогда не имел личного секретаря, сам просматривает массу документов и собственноручно ставит печати на письмах. Нельзя сказать, что царь не ценит хороших министров и предпочитает им политических ничтожеств. Однако он с болезненной ревнивостью относится к своей власти. Поэтому всех самостоятельных и

независимых государственных деятелей ждала одна судьба: рано или поздно министр превращался в глазах монарха в соперника и попадал в опалу». Прошлись бундовцы и по образованию царя, преподавателей у него было много, но лишь один мог бы с точностью сказать, что его уроки усвоены слушателем – это К. П. Победоносцев. Он был консерватором до мозга костей, и его взгляды наложили большой отпечаток на мировоззрение Николая II. Выступая противником всего западного, всего того, что называется демократические свободы, Победоносцев был твердо убежден в том, что православная неограниченная самодержавная монархия является для многонациональной России наиболее целесообразной формой государства. Он считал, что для сохранения в России существующего строя нужно отказаться от реформ и держать Россию как бы в замороженном состоянии, иначе все рухнет. Победоносцеву удалось привить своему ученику ненависть к общественному мнению, за которым он признавал «страшную власть». При таком положении вещей образование царя весьма одностороннее. Вопросы, волновавшие образованное общество, оставляют его равнодушным. О народнической теории или о марксизме, который постепенно завоевывает умы подданных, царь не имеет ни малейшего представления. Николай II постоянно общается с гвардейскими офицерами, частенько удостаивает вниманием солдат. Но он не находит времени для ученых и представителей творческих профессий. Более того, царь испытывает стойкое предубеждение против интеллигенции (хотя себя считает интеллигентом) и как-то в шутку сказал, что прикажет Академии наук вычеркнуть это «паршивое» слово из русского языка. Николай II продолжает ту же национальную политику, что и его отец. Царь неоднократно демонстрировал предубеждения против евреев, хотя его нельзя назвать грубым антисемитом. Николай II проявляет явные антизападнические настроения. Хотя в его царствование широко праздновались юбилеи побед Петра I, сам царь не разделяет общего восхищения великим преобразователем. Своим приближенным он как-то сказал: «Это предок, которого менее других люблю за его увлечение западною культурою и попирание всех чисто русских обычаев. Нельзя насаждать чужое сразу, без переработки. Быть может, это время как переходный период и было необходимо, но мне оно несимпатично». Порой русский патриотизм Николая II проявлялся в курьезных мелочах. Так, он подчеркивал в докладах министров слова иноземного происхождения, приучая их пользоваться родным языком. Николай II любил народный костюм и иной раз принимал затянутых в мундиры сановников, будучи одетым в красную косоворотку. Как вывод к материалам, относящимся к российскому императору, в бумагах Бунда было написано: «Характер российского монарха представляет загадку даже для постоянно общавшихся с ним государственных деятелей. Многие сановники говорят о поразительном, даже неестественном равнодушии

царя ко всему, что не затрагивает его лично».

Мои размышления и анализ личности императора были прерваны прямым обращением ко мне самого анализируемого. Николай II спросил:

– Миша, ты как себя чувствуешь?

А потом, тут же уже обращаясь к одетому в гражданское, произнес:

– Господин Гурьев, больше я вас не задерживаю. Можете передать обер-прокурору, что все договоренности остаются в силе.

Когда тот направился к выходу из кабинета, Николай II отдал распоряжение военному:

– Леонид Петрович, найдите начальника штаба и пригласите его зайти ко мне. И пускай Михаил Васильевич захватит с собой карту, которую мне сегодня показывал.

Когда генерал вышел, Николай II повернулся ко мне и уже другим голосом, к тому же улыбаясь, сказал:

– Так как, язва не беспокоит? Да что я спрашиваю – судя по газетным статьям, ты в великолепной форме. Прыгаешь, как акробат, и как в детстве, способен справиться с несколькими противниками.

Я ответил, что думал:

– Да с язвой все нормализовалось, вроде бы она зарубцевалась. Но в Петрограде возникли другие проблемы – кажется, на меня открыли охоту. Сначала социалисты напали, затем подготовленная немцами целая рота финских егерей.

– Да, в газетах я читал о нападении на санитарный поезд. Это просто возмутительно – в столичном регионе бродят не подконтрольные властям вооруженные люди. Хабалов не выполняет своих обязанностей. Генерал он, конечно, хороший, преданный, но, по-видимому, начальником Петроградского гарнизона нужно ставить другого человека.

– Дело не в генерале, а в том, что в столичном регионе начал активно работать немецкий генштаб. Не получается у германцев одолеть русскую армию на поле боя, так они принялись действовать подлыми методами изнутри. Не только выделяют деньги социалистам и другим антимонархическим партиям, но и стали засылать в Петербург целые подразделения хорошо обученных диверсантов. Через границу с нейтральной Швецией что угодно можно провезти в столицу империи. И направить сколько угодно боевых групп и обученных пропагандистов-революционеров.

– Так ты думаешь, что все случаи брожения народа в Петрограде это дело немецких денег? А некоторые думцы меня убеждают, что народ возмущен отсутствием политических свобод и ухудшением своего положения в связи с затянувшейся войной. Пугают близким взрывом народного возмущения, если я не дарую подданным свобод – манифеста. Тот же князь Львов говорит о конституционной монархии. А я убежден, что в нашей многонациональной стране это будет началом конца. Я, пожалуй, согласен с тобой, что без участия иностранных агентов все эти безобразия, как в Петрограде, так и в Первопрестольной, не обходятся. Я тут вспомнил предсказания Серафима Саровского. А именно предсказание этого праведника, что первая половина моего царствования пройдет среди смут и волнений, зато вторая половина будет мирной и безмятежной. Верю, что так оно и будет.

– Я тоже в это верю. И главное сейчас не поддаваться лживым уговорам отойти от дел и заняться семьей. Никто кроме тебя, Ники, не сможет управлять этой махиной – Россией. Ты помазанник Божий и являешься ответственным за свои деяния только перед Господом нашим. И знай, я всецело на твоей стороне и. если нужно, умру за императора! Может быть, именно из-за этого германские наймиты и открыли на меня охоту. Но не на того напали! Кстати, с помощью генерала Хабалова удалось уничтожить засланных Германией в нашу столицу для диверсионных действий финских егерей. В Кенигсберге из финских добровольцев, сбежавших в Германию, немцы сформировали целый батальон, обучили его для боев в городских условиях и забросили этих врагов империи в нашу столицу. Частично и, скорее всего, временно мне удалось купировать эту проблему, но германский генштаб продолжает работу, чтобы ослабить империю изнутри.

– Что предлагаешь сделать, чтобы навести порядок в Петрограде? Только не говори, что в столицу нужно направить преданные части или завалить Петроград дешевыми продуктами. Того и другого нет.

– Я понимаю, поэтому предлагаю освободить Петроград от многочисленных резервных частей и прочих мусорных подразделений. Они там только разлагаются и проедают государственные деньги. В идеале их нужно расформировать, изъять оружие и распустить по домам. Но понятно, что это окажет очень негативное влияние на солдат, участвующих в боевых действиях. Как же, они воюют, погибают, терпят трудности окопной жизни, а тыловых крыс распускают по домам. Поэтому нужно сделать хитрее. Создать из расформированных частей рабочие команды и направить их на рытье окопов и других укреплений. Думаю, солдаты на передовой воспримут это нормально, а военнослужащие из расформированных частей особо возмущаться не будут. Их же не на передовую гонят, не на смерть, а всего лишь направляют на строительные работы.

– А где армия будет брать резервы? Потери колоссальные, а из Петрограда поступают хоть немного обученные солдаты. По крайней мере, знают, с какой стороны стреляет винтовка.

– Да это разве резервы? Даже, казалось бы, дисциплинированным частям доверять нельзя. Вон Хабалов выделил мне хорошо зарекомендовавший себя в глазах командования батальон латышских стрелков, так они в разгар операции подняли мятеж. Из всего батальона только два десятка человек остались верными присяге. И это в тылу, а если бы такое произошло на фронте, то считай, они бы подставили под удар целую дивизию. Нет, доверять солдатам, пробывшим длительное время в Петрограде, нельзя, они наверняка подверглись массированной пропаганде врагов империи.

– Ладно, Миша, я понял тебя, буду думать, как разгрузить Петроград от разложившихся воинских контингентов. Это неимоверно сложно, но ты прав, очень часто наивные крестьяне (основной контингент мобилизованных), направленные на обучение в столичные учебные части, попадают под пресс пропаганды циничных социалистов.

Только я собирался Николаю II изложить свое виденье ситуации, которая сложилась в Петрограде, как он неожиданно перешел к другой теме. Начал говорить о семье, о своих дочерях, о наследнике. Чувствовалось, что ему уже смертельно надоели разговоры о делах и хочется выговориться о том, что его действительно интересовало. Ну что же, я был только за то, чтобы император выговорился, снял накопившиеся душевные муки, а затем снова в полную силу

занялся своей деятельностью. Мало кто мог бы, будучи царем и главнокомандующим, выдержать такой прессинг. С одной стороны, все возрастающая критика со стороны образованной части общества, страшная болезнь сына, предательство близких людей и генералов, которым ты доверяешь, а с другой – колоссальные потери в твоей армии и слишком частые неудачи, казалось бы, в хорошо продуманных планах.

Я послужил своеобразным психотерапевтом по снятию накопившегося стрессового состояния у брата. Слушал Николая II и думал про себя, что вот же я дурак, хотел фактами доказать императору, что не имеет он права слагать с себя корону, а нужно-то, чтобы он излил перед кем-нибудь свою душу. Пожаловался на неудачи, на непомерные требования подданных, поплакался, в конце концов, что его никто не любит и не понимает. В январе 1917-го нужно обязательно к Ники приехать, чтобы он опять смог выговориться. И тогда не будет отречения, и история пойдет нормальным и естественным путем. Монолог Николая II закончился, только когда в кабинет зашел начальник штаба ставки генерал Алексеев.

Глава 6

Усатого генерала, вошедшего в кабинет Николая II, я узнал. Образ генерала Алексеева отложился в долговременной памяти Михаила Александровича. В памяти отложилось и то, что генерал Алексеев, по сути, сосредоточил в своих руках все реальное управление русскими армиями. Император, как правило, принимал лишь общее участие в разработке операций, влияя лишь на кадровую политику. Начальник штаба обычно ограничивался общими докладами, не всегда посвящая венценосца во все детали. В долговременной памяти Михаила Александровича отложился фрагмент беседы с генералом Деникиным о новом начальнике штаба. Деникин положительно воспринял это назначение, по этому поводу он сказал: «Такая комбинация, когда военные операции задумываются, разрабатываются и проводятся признанным стратегом, а повеления исходят от верховной и притом самодержавной власти, могла быть удачной». Что комбинация получилась удачной, показало наступление Юго-Западного фронта. Изначальная идея Брусиловского прорыва была выдвинута Алексеевым. Наступление началось 4 июня, и его успех превзошел все ожидания. С приходом Алексеева изменилось и отношение к союзникам. В долговременной памяти остался и разговор с генералом Спиридовичем, он свидетельствовал:

«Отношение к союзникам Алексеева было вообще более серьезно и более патриотично, чем у старой ставки. При великом князе Николае Николаевиче в ставке союзников «обожали», перед ними распростирались по земле, для них жертвовали своими русскими интересами. При Алексееве на союзников стали смотреть деловитее. От союзников, кроме прекрасных слов, стали требовать взаимной и своевременной поддержки, фактической, на деле». Так что по воспоминаниям, оставшимся от Михаила Александровича, генерал Алексеев представал собой скорее положительную фигуру. Но вот полученная мной информация говорила о том, что именно генерал Алексеев сыграл определяющую роль в том, что Николай II отрекся от престола. После чего и начался тот бедлам, который впоследствии переродится в две революции.

Когда я увидел генерала Алексеева, мне вспомнились и слова великого князя Николая Николаевича (бывшего главнокомандующего) об этом генерале, теперешнем начальнике штаба. «Бывало, что ни спросишь у офицеров штаба, либо не знают, либо знают что-то, а теперь на все вопросы – точный ответ. Все знает, сколько на фронте штыков, сколько снарядов, сколько в запасе орудий и ружей, продовольствия и одежды. Все рассчитано, предусмотрено… Будешь весел, поговоривши с таким человеком». Через несколько минут я убедился в справедливости слов Николая Николаевича. Генерал Алексеев действительно был профессионален, точен и в своих расчетах учитывал даже незначительные факты. А начал он докладывать нам о ситуации, складывающейся на Юго-Западном фронте. И свои предложения о помощи армиям генерала Брусилова.

Если прямо сказать, появление генерала Алексеева меня слегка напрягло. А когда он, разложив карту, начал свой доклад, это совсем привело меня в расстроенные чувства. Еще бы, начальник штаба ставки распинается перед командиром корпуса. Это возможно только в одном случае – если Николай II готовит из меня себе замену. Может быть, он уже решил уйти в сторону, а меня хочет выдвинуть на передовую. И все разговоры о долге монарха не более чем подготовка переложить именно на своего брата эту чертову корону. Я не психотерапевт, укрепляющий дух Николая II, а являюсь просто-напросто сосунком перед монстром дворцовых интриг. Не зря же в бумагах Бунда было написано: «Характер российского монарха представляет загадку даже для постоянно общавшихся с ним государственных деятелей». В моей голове сначала раздался вопль Мишки, который никогда не занимал ответственных постов: «Нет, нельзя, я не хочу быть царем!» А затем суровый голос сержанта (второй моей сущности) язвительно заметил: «А куда ты, мать твою, денешься с этой подводной лодки? Если прижмет, то как миленький будешь “самодержавить” и никуда от этого не денешься».

Вся эта буря в голове стихла лишь после того, как Николай II сказал, обращаясь ко мне:

– Вот видишь, наступление Брусилова совсем выдохлось. Ковель как был австрийский, так и остался. На помощь австрийцам начали подходить германские части. Положение Юго-Западного фронта начинает ухудшаться. Ты думаешь, почему Михаил Васильевич все это рассказывает при тебе? Не только из-за того, что ты направляешься в свой корпус и вскоре непосредственно окажешься в боевых порядках Юго-Западного фронта. Знание стратегического положения в масштабах всего театра военных действий не обязательно для командира корпуса. А вот для командующего кавалерией всей армии это необходимо. Я принял решение назначить великого князя Михаила Александровича генерал-инспектором кавалерии.

Наверное, мое лицо выразило крайнюю степень удивления, так как Николай II, разъясняя свои слова, добавил:

– Так нужно для государства Российского. Ты стал в последнее время популярен среди нижних чинов и офицеров. А как ты знаешь, боеспособность частей падает. И уже не за каждым офицером солдаты пойдут в бой. А твоим распоряжениям люди будут подчиняться. Мы обязаны хотя бы наши мобильные части сделать управляемыми и боеспособными.

У меня автоматически вырвалось:

– А как же мой корпус? Да и вообще я не способен к штабной работе. А генерал-инспектор должен находиться в ставке и отсюда координировать и инспектировать действия кавалерии. Сейчас, когда австрийцы и германцы начали контратаковать, я просто обязан находиться в своем корпусе.

– Вот и договорились! Ты поедешь в свой корпус и примешь участие в отражении контратак, а когда противник выдохнется, вернешься в ставку и займешься всей кавалерией. Через месяц я тебя жду. Думаю, к этому времени и противник успокоится, и ты подберешь вместо себя командира Второго кавалерийского корпуса.

После того что я испытал, когда подумал, что Николай II хочет передать Михаилу Александровичу корону, присвоение мне звания генерал-инспектора совершенно не пугало. Тем более император обещает это сделать только через месяц. За это время я должен успеть подобрать людей для силовой составляющей нашего с Кацем плана. А то, что я стану командующим всей кавалерией, то это открывает огромное окно возможностей, перебрасывать части в любое место, и даже в столицу Российской империи. Эта мысль в доли секунды пронеслась в голове, и я, вытянувшись прямо около стола, где мы рассматривали карту, гаркнул, как когда-то, будучи сержантом:

– Как прикажешь, мой император!

Николай II от неожиданности тоже выпрямился (впрочем, как и генерал Алексеев), потом улыбнулся и предложил:

– Ну что, господа, тогда давайте чай пить. За чашкой чая Михаил Васильевич и расскажет нам, какие задачи нужно решать начальнику кавалерии. Он человек военный и знает в тонкостях, с чем ты можешь столкнуться на этом посту.

После этого предложил нам с генералом занимать места у другого, круглого стола, стоящего чуть в отдалении, а сам подошел к двери, открыл ее и отдал кому-то распоряжение принести все для чаепития.

В это время мы с генералом Алексеевым заняли места за указанным столом и начали беседу. Михаил Васильевич был чрезвычайно любезен и предупредителен со мной, но я все равно чувствовал себя очень скованно и настороженно. Еще бы так себя не чувствовать, когда генерал затронул тему, которой я больше всего боялся. Он начал делиться со мной о превратностях судьбы знакомых мне и ему людей. Это Михаилу Александровичу они были старые приятели, а в долговременной памяти великого князя об этих людях не было ничего. Я откровенно поплыл, и чтобы выйти из этого опасного для меня разговора, решил воспользоваться проверенным средством. А именно начал разглагольствовать о новом чудо-оружии. Как раз подошел Николай II, и я начал восторгаться эффектом, который удалось достичь, применяя на испытаниях в Петрограде напалм и ракетные системы «Катюша». Естественно, блефовал – никакие испытания мы с Кацем еще не проводили. Ведь еще не было в помине ни напалма, ни систем залпового огня. Вернее, небольшое количество напалма одна петроградская химическая фабрика уже изготовила, но его было мало для полноценных испытаний. А с «Катюшами» все было намного хуже – процесс

изготовления первой опытной системы залпового огня был мною запущен только перед самым отъездом в ставку. Черт с ним, что поругался немного с директором Путиловского завода, зато был уверен, что через неделю они склепают опытный образец. А вот с ракетами-снарядами была загвоздка – даже не был еще определен завод, способный изготовить небольшую партию таких ракет. Проблемы были с нитроглицериновым порохом. Но Кац обещал решить эту проблему и наладить производство реактивных снарядов.

Фактическое отсутствие новых средств вооружений не помешало мне вдохновенно врать главнокомандующему и его начальнику штаба о перспективах, открывающихся перед Русской армией, когда она начнет применять это чудо-оружие на полях сражений. Посчитав начавшееся чаепитие удобным моментом для продвижения основной задачи посещения ставки, я заявил:

– Образцы нового оружия имеются, я даже видел впечатляющие результаты их испытания, но из-за нехватки средств невозможно запустить в производство эти уникальные и смертоносные виды вооружения. Опять Россия плетется в хвосте мирового прогресса. Хотя это именно русский инженер создал напалм и разработал «Катюшу».

Николай II, внимательно слушавший мою речь, заметил:

– Так есть же определенный регламент для принятия на вооружение новых образцов. Их должны оценить опытные специалисты, а потом после испытаний направить свои предложения в артиллерийский комитет. Если испытания будут действительно ошеломляющими, то деньги на производство этого вооружения обязательно найдутся.

– Стандартная процедура годится для мирного времени, а сейчас все решает быстрота и нестандартность действий. Промедлим, окажемся на обочине истории. В этой войне победит тот, кто будет смело внедрять новинки, против которых у противника нет средства противодействия. А напалм и «Катюши» на сегодняшний день это совершенное оружие, и даже хорошо обученный германский солдат не сможет им противостоять. Когда русская армии будет оснащена этим оружием, она легко сметет даже глубокоэшелонированную оборону и выйдет на оперативный простор. Где смогут показать себя казаки, с их традиционными шашками и пиками. Весь генералитет германского генштаба будет трястись, когда русская армия пойдет в атаку. Генерал-фельдмаршал фон

Гинденбург от испуга проглотит свой монокль. Вон 15 сентября англичане применили новинку в жутких боях на реке Сомме и добились успеха. Даже в той мясорубке они смогли продвинуться в глубь обороны на пять километров, причем потери в наступательной операции оказались в двадцать раз меньше обычных. А все почему? Да просто джентльмены действовали, а не забивали себе голову соблюдением регламента. У какой-то умной головы возникла идея сухопутного броненосца, вот англичане, не мороча себе голову, поставили железные ящики на гусеницы, назвали эту конструкцию танком и бросили в бой. Из сорока девяти сухопутных броненосцев, имевшихся в наличии, только восемнадцать танков не вышло из строя по техническим причинам, но они прорвали оборону немцев. Вот как действуют победители.

Мою пламенную, залихватскую речь остановило покашливание генерала Алексеева. Я замолчал и взглянул на генерала – вдруг старик подавился чаем и ему нужна помощь. Но это была уловка опытного штабиста, чтобы тормознуть великого князя и высказать свое мнение. Как только я остановился и взглянул на Алексеева, Михаил Васильевич сразу же заявил:

– По информации, которой я обладаю, танки англичане начали разрабатывать давно и появление бронированных монстров это не спонтанный взрыв их технического гения. Английские инженеры разработали несколько моделей танков, лучшую из них Mk.1 начала производить их промышленность. Французы, впрочем, как и немцы, работают над подобной техникой, и вскоре их танки появятся на полях сражения.

Прозвучавший в словах генерала Алексеева здоровый скептицизм меня не смутил, и я продолжил гнуть свою линию, заявив:

– Вот видите, скоро и у Германии появятся танки, а что мы сможем противопоставить им? Штыками, пулеметами или даже осколочными трехдюймовыми снарядами этих бронированных монстров не остановить. А допустим, бутылка, наполненная напалмом, способна это сделать. Температура горения этого вещества тысяча градусов, и напалм способен прожечь броню наползающих на окоп немецких танков. Главное, чтобы солдаты были подготовлены и не разбежались при приближении бронированных монстров. Так что нам срочно нужно налаживать изготовление напалма и производство систем залпового огня – «Катюш».

Николая II информация о новом оружии заинтересовала и именно с точки зрения борьбы с новой напастью XX века – танками. Видно, он уже думал, что может противопоставить русская армия Германии, если та сможет начать производство танков. И как я понял, исходя именно из этой логики, он задал вопрос:

– Миша, ну с напалмом, предположим, все ясно. Но вот эти самые «Катюши», их-то как можно использовать против танковых атак? Ты же сам сказал, что трехдюймовые снаряды малоэффективны против танков?

– Нет, если, конечно, наводчик хороший и в состоянии прямой наводкой попасть в движущуюся мишень, то он и осколочным трехдюймовым снарядом сможет поразить танк, но где же взять таких артиллеристов. А «Катюша» бьет по площади залпом из шестнадцати реактивных снарядов, калибром гораздо больше, чем у трехдюймовки. Эти снаряды можно начинить напалмом – тогда на площади нескольких десятин будет все выжжено. Эффективны и осколочно-фугасные снаряды. При необходимости можно использовать и реактивные снаряды с отравляющим газом. Основой для залповой установки служит автомобиль довольно большой грузоподъемности. В России таких не производится, но это не беда, я в целом договорился с американским послом о поставках таких автомобилей. Машина позволяет боевому комплексу быстро менять позиции после произведенного залпа. Направляющие для ракет располагаются вдоль автомобиля. За один залп (примерно десять секунд) «Катюша» выстреливает шестнадцать снарядов, дальность стрельбы почти шесть верст. То есть если разведка донесла, что на каком-то участке фронта готовится танковая атака, то можно подъехать, сделать несколько залпов по месту сосредоточения танков, а затем направиться на другой участок фронта, чтобы затыкать дырку там.

– Хм… рисуешь прямо-таки сказочные возможности по этим новым видам вооружения!

– Так они и есть сказочные! Немцы это поняли и решили любым способом не допустить, чтобы русские обладали этим оружием. Я напрямую связываю череду покушений на меня с тем, что пытаюсь продвинуть это новое оружие. Немецкая разведка узнала о его создании, а также и о том, что локомотивом, который двигает в производство новое оружие, является великий князь, и решила его устранить. Насколько немцы посчитали опасным, что это оружие попадет в Русскую армию, можно судить по тем силам, которые они привлекли к устранению великого князя. Для этой задачи германским генштабом были

привлечены все резервы, которые в большой тайне были накоплены в российской столице. Даже специально обученный батальон финских егерей, который предназначался для дестабилизации обстановки в Петрограде в нужный момент, был привлечен для устранения всего лишь одного человека. Вот как оценивают это оружие немцы, а у нас даже не нашлось государственных денег на его производство. Я отдал все деньги, какие у меня были, на разработку напалма и «Катюш», а вот на их производство средств уже нет.

Николай II, обращаясь уже к генералу Алексееву, распорядился:

– Михаил Васильевич, подготовьте сегодня же письмо военному министру Шуваеву с моим поручением срочно заняться производством напалма и систем залпового огня «Катюша».

Обращаясь уже ко мне, император спросил:

– Где Шуваеву получить нужную для производства этого оружия документацию? И все-таки неплохо было бы, чтобы был акт испытаний, подписанный специалистами, а не только твои слова.

– Вся документация находится в Петрограде у моего секретаря Джонсона. Он является и специалистом по этому оружию. К сожалению, изобретатель этого чуда-оружия погиб при взрыве ракетного снаряда «Катюши». Погибли и два разработчика системы залпового огня. Только Джонсону, который стоял у истоков этих разработок, удалось выжить. Теперь Джонсон, пожалуй, единственный, кто знает технологию производства напалма и ракетных снарядов к системам залпового огня. Вот к нему пускай и обращается Шуваев. Одной из петроградских фабрик уже налажен выпуск напалма, но количество выпущенной адской смеси смехотворно – нет государственного заказа. На Путиловском заводе, на базе американского грузовика «Студебеккер», собирают систему залпового огня. Но это всё – только на это хватило средств, которые мне удалось собрать у истинных патриотов.

– Все понятно, актов испытаний этого оружия нет! Ну что же, поверю великому князю, который уверен в эффективности этого нового оружия. Михаил Васильевич, пускай Шуваев обращается за документацией и консультациями по напалму и «Катюшам» к секретарю великого князя Михаила Александровича. И сроки исполнения этого поручения поставьте в этом письме.

Обращаясь опять ко мне, Николай II спросил:

– Миша, по-твоему, сколько времени потребуется нашим военным заводам, чтобы освоить производство этих новых видов вооружения?

– Думаю, что немного. Да оно уже, можно сказать, производится. Дело за малым, за заказами от Военного министерства, которое будет подкреплено деньгами. Значительные партии напалма и дивизиона два «Катюш», думаю, можно будет произвести к Рождеству. Задержка может произойти только в одном случае, если американцы не поставят грузовики. Хотя посол США обещал, что автомобили прибудут в незамерзающий порт основанного недавно города Романов-на-Мурмане[1 - Мурманск.] в ноябре-декабре, но он все это связал с оформлением кредита России. Мои гарантии, подкрепленные письмом Госдумы за подписью Родзянко, посол принял, но намекнул, что неплохо бы иметь гарантии государства, завизированные императором.

– Хорошо, я дам американцам такие гарантии. Какие еще имеются препятствия для скорейшего начала выпуска новых видов вооружения?

– Нужна отлаженная система безопасности. Коли немцы всерьез взялись за противодействие тому, чтобы новое оружие не появилось в Русской армии, то от них можно ожидать любых диверсий. Я купил землю недалеко от Петрограда, чтобы разместить там исследовательскую лабораторию и склады для хранения напалма и ракетных снарядов. После недавних попыток меня устранить я серьезно задумался о надежной охране этого объекта. Солдатам, впрочем, как и офицерам Петроградского гарнизона, после недавнего мятежа батальона латышских стрелков, доверять охрану такого важного объекта опасно. Разрешите передислоцировать в Петроград надежное подразделение из моего корпуса. Охраняя стратегические объекты в столичном регионе, это подразделение окажется гораздо полезнее, чем на фронте. Сохранность стратегических запасов позволит Русской армии где-то к лету перейти в решительное наступление. Позиции немцев и австрийцев мы будем уже заливать не кровью русских солдат, а напалмом. И пробивать коридоры в позициях противника, для ввода кавалерийских частей, не тупыми атаками на пулеметы, а залпами «Катюш».

Николай II, внимательно все это выслушавший, согласно кивнул головой и, обращаясь к генералу Алексееву, распорядился:

– Михаил Васильевич, кроме моего поручения Шуваеву, сегодня же подготовьте приказ командиру Второго кавалерийского корпуса великому князю Михаилу Александровичу направить в Петроград… – Император, глянув на меня, спросил: – Миша, какое подразделение своего корпуса ты хочешь направить на охрану объектов в Петрограде?

На секунду задумавшись, я ответил:

– Пару эскадронов всадников из Туземной дивизии, пластунов казацкой дивизии и батальон из Осетинской бригады.

– Хорошо! Михаил Васильевич, в приказе напишете – сводный полк, для выполнения особого задания. Теперь-то все, Миша?

– Так точно! Единственное, нужно предупредить начальника Петроградского гарнизона генерала Хабалова, что в окрестности столицы прибывают воинские контингенты, которые будут ему не подконтрольны. Их задача – охранять секретные объекты, вход на которые запрещен, даже с пропуском, выданным штабом Петроградского гарнизона. Огонь будет открываться по любому, кто несанкционированно оказался на территории охраняемых объектов.

– Вон как строго! Ну что же, Михаил Васильевич, подготовьте и такое письмо тоже. Как мы уже говорили, в связи с обострением ситуации на Юго-Западном фронте, великий князь Михаил Александрович выезжает в свой корпус сегодня ночью. Поэтому приказ о передислокации сводного полка Второго кавалерийского корпуса нужно подготовить как можно быстрее. Чтобы Михаил Александрович передал его генералу Брусилову сразу же, как доберется до штаба фронта. Так что, господин генерал, идите, готовьте приказ, а мы пока с братом поговорим о жизни.

Когда генерал Алексеев вышел, Николай II, глянув на меня как-то по-доброму, заявил:

– Миша, ты меня удивляешь! Как будто в Петрограде тебя подменили. Из рубаки и безответственного человека превратился в предусмотрительного и осторожного генерала. Который думает не только о предстоящей атаке, но и планирует свои дальнейшие действия. Если прямо сказать, то ты нынешний нравишься мне больше. Только я все не пойму, как тебе за столь короткое время

удалось так измениться – можно сказать, повзрослеть?

– Да я и сам не пойму – вроде бы все было так легко и просто, а вот после того, как на меня совершили первое покушение и здоровый как слон террорист заехал пудовым кулачищем по физиономии великого князя, все изменилось. Морок великого князя ушел, и я почувствовал себя обычным человеком, которого могут побить, обмануть и даже убить. Вот и пришлось перестроить всю свою психику.

– Хм… а отношение к своему венчанию на особе не королевской крови, а на дочери адвоката, к тому же дважды разведенной, ты тоже пересмотрел?

– Ну, это дело давнее, да и сын у нас! Поздно пересматривать.

– Как, кстати, поживает Георгий, не болеет?

– Он сейчас с воспитателем в Крыму и вроде бы там все нормально.

– Да, Крым… в самые тяжелые минуты я вспоминаю, как счастливо проживал в Ливадии. Когда был молодым, именно в Ялту мечтал перенести столицу из промозглого Петербурга. Море, флот, торговля, близость европейских границ… Но не решился, разумеется. А какой там чудный портвейн!

Эти слова послужили для меня как команда – я вскочил с кресла, в котором сидел, подошел к банкетке, где стоял, прислоненный к ножке, мой портфель, и с возгласом: «Вот она, амброзия!» – вытащил оттуда обе бутылки портвейна. Николай II усмехнулся, но ничего не говоря, вытащил из ящика письменного стола плитку шоколада и начал ее ломать. Ну что же, я понял это как поощрительный знак императора и начал сервировать поляну для нашего загула. А именно поставил на середину письменного стола бутылки, а рядом с ними стаканы, которые раньше стояли у графина с водой. Организовал и закуску – ополовинив большую вазу с яблоками. Но одобрительный возглас от императора я заслужил, когда достал из кармана галифе свой швейцарский складной перочинный ножик и выдвинул оттуда штопор. После этого я легко вскрыл бутылку и наполнил стаканы. И началось застолье двух братьев с душевными разговорами о будущем, ну и о настоящем тоже.

Глава 7

Проснулся я под перестук колес и с ощущением того, что ты находишься где-то в преддверии ада – качало, голова болела, во рту ощущение, что туда нагадила стая бродячих кошек. От мысли, что пива-то нет, в душе начинала подниматься паника. Но ее заглушил рассудок, который начал представлять, как крепким чаем промывается пересохшее горло. А мысль, что в чай можно добавить и коньячок, привело сознание в работоспособное состояние. Можно было вставать и начинать приводить тело в такое же состояние. Все-таки хорошо, что я попал в тело великого князя, а не какого-то простолюдина. И мог пользоваться теми привилегиями, которые полагались голубой кости. В данный момент услугами денщика. Он заменял мне и супермаркет, и айфон, и телевизор. Димыч, как пылесос, впитывал все слухи, сплетни и истории, случающиеся с известными людьми, а потом, зачастую со своими комментариями, пересказывал их мне. Так что не беда, что я плохо помню, как оказался в том же купе, в котором приехал в ставку. Дима все расскажет и даже дословно процитирует, что я говорил. А с особым смаком он передаст нецензурные выражения, которые употребил великий князь, когда был немного навеселе. Продумав свои действия по реанимации организма, я, даже не вставая с лежанки, гаркнул:

– Первухин, мать твою, чаю неси!

Только я принял сидячее положение, дверь в купе сдвинулась и в образовавшемся проеме я увидел своего денщика. Но к моему удивлению, он не принес чаю, а в его руке был стакан, наполненный какой-то мутной жидкостью. Улыбаясь, эта рыжая бестия жизнерадостно заявила:

– Самовар сейчас Митька раскочегарит, а пока вот примите народное средство от похмелья.

– Что это еще за гадость? Вон муть какая-то плавает внутри!

– Так это капустный рассол. Мне очень помогает, когда переберу! Правда, не знаю, как он подействует на благородные напитки, которые вы вчерась с самим императором изволили потреблять, но хуже по-любому не станет.

Ну что же, маркетинговый ход Первухина нашел поддержку в моей голове – в своем времени я что-то слышал о лечении похмелья рассолом, хотя ни разу не прибегал к этому средству. Вот в этом времени (так как у меня пива не было) я решил воспользоваться опытом поколений. Взяв у Димы стакан, залпом выпил солено-пряный напиток. Да-а… народный эликсир сотворил чудо – голова прочистилась, жажда и жжение в груди исчезло, появилось желание жить. Начал припоминаться и вчерашний вечер, а главное, в голове раздался ликующий вопль прежнего Мишки: «Ну ты, бродяга, даешь, выжал из Николашки все что только можно!»

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Мурманск.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kozhevnikov_oleg/gosudar

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить